

Евгений Колесов

КИТАЕЦ

НЕЗРИМАЯ ВОЙНА

ШПИОНСКИЙ РОМАН

от автора и ведущего «Открытие Китая» на Первом канале

Евгений Викторович Колесов Китаец. Незримая война

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57431957
Китаец. Незримая война: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-115677-0

Аннотация

Евгений Колесов – автор и ведущий программы «Открытие Китая» на Первом канале. Бизнесмен, учредитель компании Optim Consult (Гуанчжоу, Китай), специализация – оптовые поставки товаров и оборудования из Китая. Президент общественной организации «Сила закона» (борется с интернет-мошенниками и лжекоучами). Автор методики раннего развития. Отец шестерых детей, которые с раннего возраста изучают четыре иностранных языка, в том числе китайский, успешно занимаются спортом. Его сын Гордей в 6,5 лет победил в «Шоу талантов» на Центральном телевидении Китая и был назван ведущими СМИ России вундеркиндом. Сегодня Гордей добился побед в десятках престижных шахматных турниров России и Европы. Продолжение бестселлера – шпионского романа «Китаец». Наши дни, полковник ГРУ Алексей Назаров – начальник сверхсекретного отдела деофшоризации ГРУ. Он счастливо женат, воспитывает двоих маленьких детей. После объявления об окончании эпидемии коронавируса в Китае неожиданно на

связь выходит китайский химик, которого Назаров завербовал в 2008 году. Передать секретные сведения он согласен только Назарову. На встрече химик инфицирует Назарова смертельно опасным штаммом биоружия направленного действия, якобы исключительно против русских. Массовая бактериологическая атака запланирована на середину осени 2020 года. Успеют ли российские ученые разработать и испытать вакцину? Мировая пандемия на самом деле рукотворная?

Содержание

Глава I. Полковник Назаров	6
Глава II. Два генерала	13
Глава III. Дорога в неизвестность	19
Глава IV. Цифровой концлагерь	29
Глава V. Загадка «Водяного»	54
Глава VI. Разговор с наставником	72
Глава VII. Ищи кому выгодно	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Евгений Колесов

Китаец. Незримая война

© Колесов Е.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Все персонажи, события, названия являются вымышленными. Любые совпадения с реально живущими или когда-либо жившими людьми, а также событиями и названиями случайны.

«Размышление – путь к бессмертию, легкомыслие – путь к смерти.

Бодрствующие в размышлении не умирают никогда; легкомысленные, неведающие, подобны мертвым».

Будда Шакьямуни

Глава I. Полковник Назаров

– Здравия желаю, товарищ полковник, разрешите?

– Да, заходите, майор.

Майор Мингер сделал девять шагов в сторону моего стола. Я поднялся, чтобы поприветствовать рукопожатием подчиненного.

– Здравствуйте, Иван Борисович, присаживайтесь, – я указал на стул, стоявший справа от приставного стола, предназначенного для посетителей. Стол красного дерева был покрыт зеленым сукном и напоминал типичный стол царской охраны из художественных фильмов, рассказывающих о том периоде.

– Как дела дома? – поинтересовался я. – Как самоизоляция родственников?

– Все хорошо. Никто не болеет. Спасибо, – отчеканил мой подчиненный так, словно он играл шахматный блиц.

Майор Мингер был заядлым шахматистом. Крепкий, ростом выше среднего, худощавый. Мингеру было тридцати два года, и он работал в моем отделе с момента основания, то есть уже больше двух лет. Его заметили в Институте математического моделирования Российской академии наук за высокие аналитические способности. До этого Мингер окончил экономический факультет МГУ имени Ломоносова с красным дипломом. Кандидат математических наук, ма-

стер спорта по шахматам. Спокойный, вдумчивый, сообразительный, настойчивый, работоспособный. Женат, растит двух дочерей. Завсегдатай воскресных шахматных турниров в Центральном доме шахматистов имени Ботвинника на Гоголевском бульваре в Москве, где среди коллег-шахматистов представляется учителем математики. Оперативный псевдоним «Мираж». Мингер был моей правой рукой.

– Чем порадуете по Василенко? – поинтересовался я, положив руки на стол.

Майор открыл принесенную с собой папку бордового цвета с эмблемой Службы. Аккуратно перебирая листы, извлек из нее семь и протянул мне.

– Нашли, товарищ полковник, вот данные, – произнес он голосом, в котором сквозила радость.

Оно и не удивительно. Это была серьезная операция, которая заняла несколько месяцев.

Я аккуратно разложил перед собой поданные Мингером листы.

– Так, – я внимательно вглядывался в названия компаний, бенефициаров и суммы. – Так, так... – удивление нарастало. – Наконец-то вся цепочка, а? – спросил я и посмотрел с улыбкой на майора.

– Да, все девятнадцать компаний. А как вам сумма?

– Так, где она у нас? – я бегло просматривал страницы.

– Вот здесь, в самом низу, – указал пальцем мой зам.

– #####!¹ – удивился я.

– Да, – не без гордости подтвердил майор.

– По-китайски научились понимать? – спросил я майора, глядя на него с улыбкой, зная, что он блестяще владеет «лишь» английским и испанским.

– Так удивление на всех языках звучит одинаково, – пояснил он, улыбаясь в ответ.

– Шах и мат, – согласился я. – Удивительно, откуда такая цифра? Что-то очень много. Не то что очень, а очень-очень. Бесстыдно много. Вот уж точно: жадность – сестра таланта. Только не того, какого надо. Куда это у нас идет? – с усилием потирая левой ладонью бороду, я искал нужные графы. – Панама. Па-на-ма. Ну, что, господин Василенко, теперь как ни крутись, – я посмотрел на майора, – а жопа сзади. И мы за нее, по-моему, – я постучал пальцами по разложенным передо мной документам, – теперь крепко возьмемся. Приобщайте к оперативному делу, я доложу генералу. Возможно, передадим на Лубянку, пусть ФСБ теперь его крутят. Самое важное мы сделали. Ниточка у нас в руках. Поздравляю, – я встал, пожал руку майору. – Хорошая работа! – искренне похвалил я подчиненного за найденные офшоры губернатора Василенко и его ОПГ, которые найти уже никто и не рассчитывал.

– Иван Борисович, – возвращаясь в кресло, осведомился я. – А как так получилось, что финмониторинг и ФНС его

¹ «Боже мой!» (пер. с кит.)

пропустили, а?

– Схема больно хитрая, там криптовалюта замешана, это документы непосредственно из банка.

– Кто достал? – поинтересовался я.

– «Магеллан».

– Хорошая работа, необходимо отметить, – дал я распоряжение. – Вернем деньги – напишу представление на орден.

– Так он уже добыл информацию. Что будет дальше, не от него зависит, – сказал майор.

– Это общее дело. Выигрываем вместе, проигрываем (чего не хотелось бы) тоже вместе. А давайте-ка мы с вами отразим то, что Росфинмониторинг и ФНС проморгали такую рыбу, оперативной справкой и к делу приобщим. С генералом я обсужу и обращу на это его особое, – я поднял указательный палец вверх и сделал ударение на последнем слове, – внимание. Что-то мне кажется, там есть дело для чекистов, – я собрал листы и отдал майору.

– Понял, сделаем, – ответил мой подчиненный.

– Так, что по другим делам?

Мингер убрал листы в папку, отодвинул ее в сторону и открыл пухлый, наполовину исписанный каллиграфическим почерком владельца ежедневник. «Отличник и педант», – снова про себя отметил я и улыбнулся.

– Никаноров в работе, – ручка, которую держал майор, нависла над озвученной фамилией, едва-едва не коснувшись бумаги. – По нему сделали запрос в Интерпол. Дарбидзе, –

ручка поползла, чтобы замереть уже над следующей фамилией. – Подбиваем материалы. По этому товарищу у нас все в лучшем виде. Вопросов не возникнет. Если только незначительные, чисто технические. Все решим. Минштольц. По нему пока пусто. У меня есть одна идея, я обдумую, с ребятами посоветуюсь и вам доложу. Нужно привлекать «пиджака».

– Подготовьте, посмотрим. Надо будет – привлечем. Дальше.

– Хартман. По нему основное собрали, в ожидании пары ответов с Кипра. Через неделю, думаю, будем понимать, что к чему. По его офшорам работает «Навруз». Ну и плюс «прокладки» ждем. Если там будет то, что мы ожидаем, дальше будем думать, как быть. Я планирую связаться с Росфинмониторингом, запросить у них данные на семь компаний. Они, вероятно, также буферные, но считаю, надо проверить для ясности. Список подготовлю и вам на утверждение, – рапортовал майор.

– Хорошо. Ставлю рядом с Хартманом крестик, – я поднял голову, чтобы посмотреть в лицо майору. – Пока рядом, а там надо, как говорит генерал, копать, искать, находить, сажать.

– Да, в работе, – майор что-то записал. Пока он писал у себя, я сверялся со своим не менее пухлым ежедневником, аккуратно делая пометки.

– Пальцев? – произнес я строго.

– По Пальцеву сложности. Вот я подготовил, изучите, пожалуйста, – майор достал из папки пару листов и протянул мне. Один из них был озаглавлен «Служебная записка».

– Хорошо, – я взял листы и положил в синюю папку с гербом России, лежащую справа от меня. В ней я хранил документы, требующие неотложного внимания. Я планировал заняться этими бумагами после ухода подчиненного.

В кабинете раздался телефонный звонок. Звонил один из четырех белых аппаратов, которые стояли в ряд на столике слева. По внутренним правилам сотовыми телефонами на рабочем месте нам было пользоваться запрещено. Звонил прямой телефон с моим командиром, генералом Спициным.

– Слушаю, товарищ генерал, – я плотно прижал трубку к уху, чтобы не было слышно говорящего.

– Есть, – я медленно вернул трубку на рычаг. Ослабив немного галстук, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

– Вам плохо? – спросил майор и, не дожидаясь моего ответа, взял со стола графин, налил воды и протянул мне.

– Спасибо, – я выпил залпом.

– Майор, – задумчиво произнес я, глядя в глаза подчиненному, – принимайте руководство отделом на себя до поступления других распоряжений. Работаете согласно плану. Обо всем докладывать напрямую генералу. Все. Вопросов не задавайте, я пока ничего не знаю.

– Это как-то связано с Василенко? – с напряжением поинтересовался временный начальник отдела.

– Я же сказал, не знаю, – с раздражением ответил я и встал.

Майор встал почти синхронно.

– У меня здесь подготовлен запрос и план оперативно-го мероприятия, перешлите это по секретной связи в в/ч 26165, – раздавал распоряжения я. – Надо чтобы их спецы вскрыли нам банковские закрома, указанные в запросе. Там нас ждут большие, жирные куски.

– Ясно, сделаем, – бодро ответил майор.

– Вы свободны, работайте, – приказал я и вышел из-за стола.

– Слушаюсь.

Я пожал майору руку:

– Валентине – привет. Стоп! Чуть не забыл, секунду, – я обошел стол, извлек из правой тумбочки одну из пяти коробок конфет, припасенных на всякий подобный случай, и, вручая майору, сказал: – Передайте к чаю.

– Спасибо, – улыбнулся майор, польщенный вниманием.

Мы еще раз пожали друг другу руки. Несмотря на то что в связи с COVID-19 врачи рекомендовали исключить рукопожатия, у нас в разведке этот ритуал мужской дружбы и уважения изменений не претерпел. Майор вышел.

Глава II. Два генерала

Взяв синюю папку со стола, я убрал ее в сейф. Красную папку, с которой я всегда ходил на доклад к руководству, в этот раз из сейфа брать не стал. Генерал ждал меня «налегке», то есть без каких-либо документов. Совершенно не ясно, что за дела заставили генерала отдать приказ передать отдел и срочно явиться к нему без доклада. Такое у меня на службе случалось впервые. По Василенко мы накопили все его сотни миллионов долларов, почти вышли на финишную прямую, оставшееся – дело техники. Узнать о том, что мы взяли его за жопу, генерал не мог. Стукачей у нас не было, все сотрудники проверенные. Что ж стряслось? Где я накосячил? Нет, все равно не должно быть никаких проколов.

Я привел себя в порядок: застегнулся, поправил галстук и одернул мундир.

Выйдя из кабинета, я закрыл его на два оборота, включил сигнализацию и по длинному коридору направился этажом ниже. Шаги по темно-красной ковровой дорожке были бесшумными. За каждой из дверей по правую и левую сторону располагались кабинеты сотрудников, в которых шла напряженная работа. Наш отдел в ГРУ состоял всего из шести человек и был создан недавно, как реакция на слова Главнокомандующего о необходимости деофшоризации капитала. Наивно было полагать, что олигархи и чиновники-миллиар-

деры сразу откликнутся на слова Президента, поэтому и было решено создать наш отдел для сбора информации по офшорным счетам и, конечно, принудительного возвращения «черных» денег из-за рубежа. В данных обстоятельствах знание нескольких иностранных языков для всех сотрудников отдела было условием обязательным. Никаких тебе погонь и перестрелок, чисто аналитическая работа с элементами креатива.

Сеть «пиджаков» ГРУ плотно окутывает весь мир, и в офшорных зонах наши возможности также были велики. «Пиджаками» на нашем сленге называли военных разведчиков, работающих под прикрытием посольств, консульств, международных организаций, компаний за границами Российской Федерации. Мы не работали с банками: как показала практика, это прерогатива других неэффективных в решении таких вопросов структур. Мы же добываем ее иными способами, как правило, либо через агентуру, либо через взломы баз данных банков, «объектов» и иных задействованных в цепочке персонажей. Увы, но иного эффективного способа выполнения поручений Главкома, как показало время, пока не было. Мне удалось привлечь в отдел настоящих спецов, нескольких лучших выпускников Московского государственного института электронной техники, специалистов в области схемотехники, программирования и конструирования систем микроэлектроники.

Спустившись этажом ниже и пройдя до середины коридора,

дора, я вошел в приемную генерала Спицина. Адъютант в звании капитана встал, отрапортовал, что меня ожидают. Я одернул китель, поправил фуражку и вошел в открытую капитаном дверь. Сделав несколько шагов к центру кабинета, отрапортовал:

– Товарищ генерал, полковник Назаров по вашему приказанию прибыл.

– Здравия желаю, – поприветствовал генерал, поднимаясь из-за стола.

Спицин Валерий Петрович, генерал-майор, невысокого роста, коренастый, недюжинной силы и эрудиции мужчина пятидесяти четырех лет. Его малость выступающий живот и лысина делали его сильно похожим на народного артиста СССР Евгения Павловича Леонова, в особенности на того персонажа, который был директором детского сада и отправлял детей за завтраком на космических кораблях в космос. Но строгий и решительный взгляд, умение четко формулировать задачи и решать их делало неуместным сравнение Спицина с Леоновым.

– Как переживаете пандемию? – спокойно поинтересовался генерал, пожимая мне руку.

Если в Китае все приветствуют друг друга вопросом «Кушал ли ты?», и это совсем не значит, что кто-то хочет пригласить тебя на обед, просто так принято, то в Москве еще накануне введения самоизоляции самым частым приветствием стали вопросы о пандемии.

– Все нормально, товарищ генерал, спасибо, – поблагодарил я, выполнив формальность, и между тем отметил: вроде все спокойно, генерал в норме.

Ситуация становилась еще более странной и непонятной.

Пандемия, уже, казалось бы, добравшаяся до России, пока, по мнению специалистов, не достигла своего пика. На телевидении и в интернете обсуждали только COVID-19 – коронавирусную инфекцию. За месяц почти каждый второй в России стал вирусологом, а тот, кто не стал вирусологом, стал конспирологом. Обсуждали все: от рукотворного создания вируса, который даже называли биологическим оружием, и до заговора мирового правительства. СМИ, мне иногда казалось, были рады такому повороту: тему Украины за последние пару лет уже обсосали со всех сторон. А тут такой инфоповод.

В конце апреля в стране был введен режим самоизоляции, но соблюдали его не все. Сильно страдал малый и средний бизнес. Главком говорил о мерах его поддержки, но они были очень незначительны. Это я понимал как человек, долгое время проживший в Китае под прикрытием бизнесмена. Смертность в Москве от якобы коронавируса была на уровне 30–60 человек в сутки. Прогноз пика эпидемии приходился на конец апреля – середину мая.

– Знакомься, – указал рукой Спицин на человека, сидевшего на одном из четырех стульев у стола, приставного к генеральскому. Я подошел в указанном мне направлении, про-

тягивая руку.

– Полковник Назаров, – представился я, глядя ему прямо в глаза.

– Генерал-лейтенант Мартов Виталий Андреевич, – ответил он, не отводя взгляда и протягивая руку.

Мы поздоровались.

– Присаживаетесь, – предложил Валерий Петрович, указывая нам на стулья.

Мы сели друг напротив друга.

– Что-то в нем не то... – заговорил генерал-лейтенант.

– Не узнаешь? – спросил Спицин.

– Вроде не он, – засомневался Мартов и усмехнулся.

Оба генерала говорили так, как будто меня не было в кабинете.

– Ладно, – махнул рукой мой командир, – не буду тебя дурачить – мы ему немного подправили метрику: ушки подтянули, прижали, скулы чуть-чуть, носик малость. Так, на всякий случай. Здравая идея родилась у его куратора Минина... как, Алексей Петрович?

– Сергей Анатольевич, – напомнил я.

– Молодец, помнишь, – рассмеялся генерал.

– Я с ним знаком, пересекались по Западной Европе лет двадцать назад. Толковый мужик, хитрый, – поделился воспоминаниями Мартов.

Я улыбнулся внутри, признавая, что мой учитель – человек хитрый. Слишком уж долго я прожил в Китае и, пожа-

луй, в этом вопросе мыслил по-китайски. Там хитрость считается вершиной мудрости.

Я не виделся с ним с той самой встречи, как мы расстались у Никифорова. А после моего возвращения на службу не стал ворошить старое, он не выходил на связь, я тоже не считал нужным это делать, дабы не докучать.

– Вот Минин и предложил подправить метрику на всякий случай, – почему-то довольно сказал генерал. Даже с какой-то радостью в голосе. – Не сразу узнал, а, генерал? – рассмеялся, глядя на гостя, Спицин.

– Хорошо придумано. Провидец ваш Минин. Как в воду глядел, – похвалил генерал Мартов.

– Полковник, – обратился ко мне Спицин.

Я встал.

– Сиди, сиди, – сопровождал он слова жестом руки. – Поступаешь в полное распоряжение генерал-лейтенанта Мартова.

– Слушаюсь, – сказал я.

Мы с Мартовым встали. Генерал Спицин вышел из-за стола.

– Ну, полковник, давай обнимемся, не знаю, куда тебя забирает Мартов, но... – Спицин многозначительно посмотрел на генерал-лейтенанта. – Надеюсь, скоро вернет целым и невредимым!

Мы обнялись. Генералы пожали друг другу руки, и я с Мартовым покинул кабинет моего начальника.

Глава III. Дорога в неизвестность

– Вещи где? – поинтересовался Мартов.

– В кабинете, – ответил я.

– Берите, и жду вас на подземке. На моей машине поедем.

События развивались слишком стремительно.

Мы с генералом вместе дошли до лестницы, он пошел вниз, я наверх. Быстро взяв вещи и положив в портфель коробку конфет, я спустился на парковку. Машина справа мигнула фарами, я подошел, сел справа на заднее сиденье. Машина плавно покатила в неизвестность.

Разные подразделения ГРУ так и не могут привыкнуть сокращенно называть свою службу ГУ. Все мои коллеги и знакомые называли наше ведомство по-старинке – Главное разведывательное управление, ГРУ.

Вторую букву в свое время «отрезал» от нас небезызвестный министр обороны. Впрочем, еще большие разрушения коснулись самой структуры управления. Сократили цвет спецназа, нещадно увольняли офицеров. К 2011 году из семи тысяч офицеров ГРУ, служивших в управлении после развала Союза, остались всего две тысячи, было практически уничтожено управление радиоэлектронной разведки. Почти на 40 % сократили части ГРУ, ответственные за закордонную работу агентов. Приостановили исследования в специализированном НИИ, подчиненном ГРУ. Процессы были ка-

гастрофическими.

Что это? Попытка избавиться от управления и его сотрудников, которые много знают и могут? У этой версии есть обоснование: вероятно, кому-то не нравилась информированность офицеров военной разведки о заказных убийствах, финансировании военных кампаний, работе оппозиции и вообще подноготной российской власти.

Еще одна версия причин развала ГРУ – активная работа по ослаблению России со стороны западных стран. Можно сказать, месть. Слишком уж активничало ГРУ в 2010-х годах. В 2018-м сотрудников управления обвиняли в попытке повлиять на выборы в Америке, взломах и хакерских атаках на серверы американской демократической партии, антидопингового агентства, Международного арбитражного суда, приписывали также отравление Скрипаля в Великобритании, который, к слову, и сам был сотрудником управления.

До переезда в новую штаб-квартиру военной разведки управление было разбросано по 15 зданиям, размазанным по Москве. Несмотря на открытие комфортной штаб-квартиры, превосходящей по техническому оснащению штаб СВР, некоторым сотрудникам места в ней все же не хватило. Поэтому приходилось совершать вот такие автопереезды.

Разные подразделения ГРУ раскиданы по городу и его окрестностям. Поэтому меня сейчас и везли неведомо куда.

С чего вдруг я потребовался генералу Мартову, отвечаю-

щему за нелегальную разведку, в том числе и в Китае, я не догадывался. Последние несколько лет я почти не касался темы Китая. На нелегальную работу меня также не рекомендовали.

Ехали молча. Я не стал спрашивать, куда мы едем, потому что, во-первых, это неважно, во-вторых, у меня не выходили из головы цифры украденных и загнанных в офшоры сумм губернатора Василенко. Мы копали по нему очень долго, схема, которую он и его ОПГ применила, в какой-то степени новаторская. Он, вероятно, один из первых придумал, как использовать криптовалюту в выводе денег из страны. Если схема наберет популярность, то, во-первых, искать деньги станет очень тяжело, а во-вторых, криптовалюта сильно поднимется в цене. Я вспомнил, как в марте 2016 года, по совету одного знакомого, купил монеты эфириум на десять тысяч долларов. Тогда одна монета стоила 14 долларов или что-то вроде этого. А в середине января 2018-го я продал монеты по восемьсот долларов за штуку. Можно было подождать и продать по тысяче с лишним, но я решил не рисковать. Да, если и прочие казнокрады додумаются до криптовалютных схем, работа нашего отдела сильно усложнится. Ладно, пусть сначала додумаются, а там и мы что-нибудь предложим.

– Китайский не забыли? – напугал меня генерал неожиданным вопросом, тихо сидевший все то время, что я размышлял.

– Особо не практиковал. Но, думаю, связать пару слов

смогу, – посмеялся я.

– Я серьезно спрашиваю, мне не до шуток, – осадил меня Мартов.

– Помню, все нормально. Спецтермины нужно подтянуть, если надо. Остальное в норме, – перешел на официальный тон я.

– А ты терпеливый, полковник, – начал строить мосты Виталий Андреевич. – Не интересно, куда едем?

– Не дальше планеты Земля, – отшутился я.

Мартов рассмеялся.

– Оптимизм – это хорошо. Дети есть? – задал вопрос Мартов, чтобы поддержать беседу.

– Вы же читали мое дело, – ответил я и пристально посмотрел на генерала.

Он замолчал и отвернулся к окну.

– Самоизоляции народ как-то не очень соблюдает. Смотри, – Мартов кивнул на снующих туда-сюда людей, наплевавших на предписания. – Без масок вон ходят толпами, вот уж точно: дуракам закон не писан. Что-нибудь смотрел по пандемии? – спросил он.

Конечно, я многое смотрел. Сейчас хочешь, не хочешь от темы коронавируса убежать было невозможно. Она догоняла из каждого утюга. И многое у меня вызывало вопросы. И по этой самоизоляции, и по обязательной социальной дистанции в полтора метра. Почему именно полтора? Не два, не десять? Кто и зачем придумал этот «поводок»? Вирус – не

живая частица и не клетка, он не умеет летать, в противном случае мог бы самостоятельно передвигаться на десятки или даже сотни метров. С Мартовым делиться своими мыслями не стал.

– Да, смотрел, читал много чего, – отвечал я.

– Через пару месяцев люди смекнут, что вся эта коронавирусная истерия была не что иное, как фикция. Многие сейчас воют, мол кризис, денег нет, ай-ай-ай, а кризис-то разразится осенью, ну и все, – сказал генерал и замолчал.

Мысль генерала меня заинтересовала, но не до той степени, чтобы проявлять к ней прямой, детский интерес типа примитивного «а дальше?»... Поколение молодых агентов, оперативников, недавних выпускников, тех, кто не слышал про 48-е компьютеры, не играл на «Сеге» в «контру», заставляя Рембо с винтовкой в руках бегать по экрану телевизора, иногда черно-белого, издавая звуки «пиу-пиу-пиу», так вот это поколение слишком быстрое. Раньше как было? К источнику присматривались, проверяли, обхаживали, восемь-десять не самых частых встреч, и лишь потом какие-то заходы на вербовку, а теперь? А теперь все летит, человек желает получить оценку своей деятельности чуть ли не мгновенно, фотка/пост – лайк, фотка/пост – лайк. Плюс клиповость мышления. И все это сказывается на работе. Если ты обычный, как говорил один из моих учителей Александр Александрович Зиновьев, человеко-чайник или что-то близкое, наверное, такая скорость вполне оправданна, что-то не яс-

но – сразу в лоб вопрос. Для опера такая скорость может быть категорически опасной. В таких делах нужно действовать очень осторожно. Замолчал? Пусть помолчит. Он же не олигофрен затыкаться на половине мыслительного пути. Замолчал, значит, по каким-то причинам не хочет продолжать. Настаивать – значит проявить заинтересованность, спалиться, короче. Главное в нашем деле – ниточка. Маленькая, пусть даже не очень прочная, но с которой можно будет начать. Обрывать, впрочем, беседу тоже глупо, нужно просто перескочить на параллельную лыжню.

– Оппозиция голос подает все громче, – спокойно и безразлично проговорил я.

– Этим мудозвонам пасти заткнут, – резко и раздраженно гаркнул генерал.

– Да ладно, Телеграм вон уже пытались заблокировать, а толку? – усмехнулся я. – Только рекламы добавили, закроют Ютуб, полезут туда все массово, – я плавно раскручивал диалог.

– Пересажают пару десятков, остальные обоссутся, – отмахнулся рукой генерал. – Знаешь про поездку нашей делегации в Китай в начале февраля за «живым» вирусом? – сменил тему Мартов.

– В смысле «нашу»? Грушники летали? – удивился я.

– Да, один наш был. Отшили, ничего не дали. Больницы не показали, про лечение не рассказали, впустую время убили, – генерал раздосадованно хлопнул себя по коленям.

– Хотели китайцев на раз-два взять? Глупо было в это верить. Тут явно: дружба дружбой, а табачок врозь. Я так понимаю, кто сейчас первый вакцину создаст, тому все должны будут. Китайцы в этом плане люди выдержанные. Их на мякине не проведешь.

– А может быть... – генерал сделал паузу, – знали про нашего человека? – спросил он.

– Знали, не знали... Какая разница? Я же вам говорю, они так просто ситуацию, в которой можно заработать, не отдадут. Не та ситуация, лучше вообще никого не пустить. Вы же лучше меня понимаете.

– Да, ситуация сложная.

– Значит... – хотел было продолжить я, но осекся, почувствовав, что генерал не хочет разговаривать при посторонних. Водитель водителем, а секретность никто не отменял. Через некоторое время я почувствовал, что генерал смотрит на меня.

– Ну так что, смотрел что-нибудь по коронавирусу? – снова спросил генерал.

– Да, смотрел Квачкова. Он говорит, нет никакой пандемии, мол, грипп какой-то, ОРВИ, что все в пределах обычной статистики вирусных заболеваний.

– Дед из ума вышел, несет всякую чушь. Люди мрут кругом, а у него, видите ли, обычная заболеваемость, – распалился Виталий Андреевич.

Складывалось впечатление, что Мартов испытывал ка-

кую-то личную неприязнь к полковнику ГРУ Квачкову.

– Владимир Васильевич – мой земляк, кстати, – решил поддержать беседу я. – Не то чтобы полный земляк, но мы из одних мест: я с Хабаровска, он с поселка Краскино Приморского края.

Мартов никак не отреагировал на эту новость. Видно было, что ему эта информация безразлична. Мы ехали минут сорок. Зарулили куда-то в районе храма Христа Спасителя, точнее, за Гоголевский бульвар. Высокие массивные ворота нас впустили без досмотра документов. Машина затерялась в ряду таких же типовых. «Служебные», – подумал я.

Мы попали как будто в колодец: три десятиэтажных здания и ворота соединялись в кольцо, где самой низкой стороной были ворота, через которые мы как раз въехали.

– Иди за мной, – скомандовал генерал.

Мы шли вдоль здания, располагавшегося напротив ворот. Я молча следовал за генералом.

Зашли внутрь, он предъявил свои документы.

– Это со мной, – показал он на меня и протянул какую-то бумагу формата А4.

– Мобильные телефоны сдайте в блок, – капитан на посту показал его местонахождение.

Несмотря на то что у офицеров ГРУ отечественные мобильные телефоны, защищенные от любой прослушки, фактически миниатюрные ЗАС – засекречивающая аппаратура связи, – проносить даже их с собой запрещено. Внутри не

было ни телефонов, ни компьютеров, подключенных к интернету.

Странны две вещи. Первое – почему генерал обо мне сказал «это». Ибо «это» означает «оно». И второе – почему у меня не спросили документы? Ответ, как я понял, был в листе, который показал генерал. То, что мои документы не спросили, означать могло только высокую степень секретности предстоящей операции. Это как если бы при входе на секретный объект показали что-то еще более секретное. «Началось», – подумал я.

Прибыли мы точно не на конференцию, посвященную вопросам морали и нравственности. Зашли в лифт, в котором у кнопок не было цифр. Генерал приложил карту, и лифт поехал... вниз. Этажа два. Двери плавно открылись. Пройдя уверенной походкой шагов тридцать, генерал повернул направо. Мы оказались перед дверью, которую Мартов открыл, приложив ключ. Вошли. Оказалось, что это кабинет для совещаний. Серый ковролин, стены темно-зеленого цвета. По центру стоял большой длинный черный стол с четырьмя обычными офисными креслами на колесиках с каждой стороны и по одному с торцов. На стене телевизор большой диагонали, справа в углу, если сидеть лицом к телевизору, чайно-кофейные дела. Теплый белый свет делал атмосферу больше домашней, чем рабочей.

– Располагайся, полковник, – по-хозяйски, добро скомандовал генерал. – Кофе – там, чай – рядом. Шкаф для одеж-

ды – вот здесь, – он указал расположение скудного убранства комнаты. – Я тебя представляю как аналитика, чтобы меньше вопросов было, нам предстоит мозговой штурм, – продолжал рассказывать генерал. – Время еще есть, почитай вот это, – он протянул несколько страниц с текстом и ушел.

Глава IV. Цифровой концлагерь

Я снял плащ, повесил аккуратно в шкаф. Наливать ничего не стал, сел так, чтобы напротив телевизора оказаться. Возможно, «кино» будем смотреть. Портфель положил на стул слева.

В комнате было очень тихо. Вообще ничего не слышно, я такую тишину называю «настоящей». Ни тебе отдаленного лая какой-то собаки, ни проезжающих, пусть и за полкилометра, автомобилей, ни орущих за стенкой соседей, тишина как она есть. Как ее и задумали, когда создавали. Вот здесь бы да, можно выспаться по-настоящему. Оглушительная тишина.

Так, что тут такое нам подсунул генерал?

В 2000-х годах премьер-министр Черномырдин отдал распоряжение рассекретить государственные архивы стратегического значения – данные о нефтяных месторождениях, редкоземельных металлах, золоте, платине и всем том, что можно было хорошо продать. Ну а следом Путин сделал все, чтобы максимально повернуть открывшиеся данные в свою пользу. Он пошел на переговоры с Китаем о поставках, мгновенно сделав страну с самым большим населением в мире стратегическим партнером России.

Договаривался Путин с китайцами на долгосрочную перспективу по поставкам всего этого добра. Речь шла о долго-

срочных поставках на десятки лет. После начала поставок энергоносителей в Китай мир понял, что Путин всех переиграл. То есть Китай и Россия сыграли в отношении США довольно неприятную игру. И США, конечно, не могли не ответить.

Первым ударом со стороны США вполне мог стать коронавирус, который «случайно» попал в Китай. Однако китайцы и сами разрабатывали различные вирусы. Возможно, поэтому смогли быстро «обуздать» COVID-19. Но китайцы – ребята, любящие стабильность и не любящие какой-то там русский авось, именно поэтому им нужен был Путин у руля надолго. Отсюда изменения в конституции как в Китае, так и России, теперь у РФ и КНР – по сути, цари: Пу и Си. В России принятие поправок к конституции – дело техническое. Если только Путин скоростно не скончается. Контракт работает, стратегическое планирование экономики в рабочем виде. Китай для поддержания Путина готов и к дешевым кредитам, и к поставкам ширпотреба, и к другим плюшкам.

С точки зрения геополитики США со своими сланцевыми газом и нефтью осталась на обочине, их «товары» никому не нужны, да и нет их. Европа в этой ситуации стала заложницей, заполучив «почетное» место между молотом и наковальней. Досталось и верным коллегам США – арабским странам, на которые американцы оказывали давление с целью в очередной раз отработать план снижения цены на нефть, который в свое время стал успешным в отношении

СССР.

Но стратегия стратегией, а повлиять на китайцев не получилось. В КНР прекрасно понимают, что несколько долларов в нынешней ситуации не имеют большого значения. Они и так уже обеспечили себе низкий ценовой уровень энергоресурсов с помощью России, а вместе с этим и независимость от сиюминутных желаний западных коллег. Осталось немного – помочь или просто не досмотреть начало восстановления государственного образования, напоминающего Советский Союз, где-то к 2025 году. И тогда можно будет говорить о формировании наиболее сильной мировой оси. Другой разговор о лидерстве в этой новой формуле. Но это тема завтрашнего дня.

А пока можно считать, что вся история с коронавирусом не что иное, как большой отвлекающий маневр, этакая дымовая завеса, в которую и Китай, и Россия, имеющие вполне конкретные геополитические цели, вписались наравне с большинством мировых держав. Вписались и активно используют ситуацию для обеспечения своей безопасности. Ведь пока все находятся дома, ученым предстоит разработать наиболее перспективную и безопасную вакцину, и работа эта уже ведется.

Прочитав материал, я отложил листы в сторону. После чего переключился на заметку, которую достал из своего портфеля. В ней говорилось о технологиях, поставленных на стражу борьбы с распространением коронавируса. Скажем,

если человека внесли в базу заболевших COVID-19, он будет находиться под прицелом всех городских камер видеонаблюдения, и покинь он свой дом вопреки предписаниям медиков, как его тут же запеленгуют и возвращать будут уже в сопровождении врачей и сотрудников полиции.

«М-да, – подумал я, – сейчас под шумок всех в базу и 24 часа в сутки под колпаком. Интересно, камеры сотовых телефонов также постоянно в режиме мониторинга?» Когда все закончится, полстраны и не вспомнит про эту меру. Полюбому ведь сделают как в США, когда в 2005 году тамошний Сенат проголосовал, чтобы оставить навсегда практически все ограничения гражданских свобод после терактов 11 сентября 2001 года. Как говорил американский анархист и педагог Альберт Нок: «Нет ничего более постоянного, чем временное».

Минут через десять дверь беззвучно открылась.

– Ну что, ознакомился? – генерал вошел в переговорную так неожиданно, словно хотел меня напугать.

Мартов уселся во главе стола и стал возиться с кипой документов, которую принес с собой.

– Да, почитал, – ответил я.

– На вот, тут еще интересные мысли, почитай, – он протянул еще листы из тех, что принес. – Это может пригодиться. Будем погружать тебя в тему.

Я начал читать. В подборке материалов был сделан экскурс в историю биологического оружия наступательного ти-

па. Конечно, я не удивился, прочитав, что лаборатории по разработке такого оружия были и у России, как у наследницы Советского Союза, и у Америки, и у Китая, учитывая реалии стремительного развития китайской экономики, увеличения ее влияния на мировой арене и, как следствия, растущих военных бюджетов.

В 90-х годах российские военные чиновники высокого уровня особо не скрывали, что в России имеются серьезные наработки по биологическому оружию массового поражения. Тогда предполагалось, что штаммами вирусов должны были комплектоваться ракетные боеголовки. Крупнейшим центром по его разработке называли расположенный под Новосибирском спецобъект «Вектор», по совместительству самое большое в мире хранилище штаммов вирусов.

В середине сентября 2019 года аккуратно на этом секретном объекте произошло возгорание. Официальная версия – халатность во время покрасочных работ, быстро, впрочем, локализованная, как заявлялось в официальном пресс-релизе. Далее все, что касалось этого события, было засекречено, что дало основание американским СМИ раструбить новость о том, что с «Вектора» могла произойти утечка особо опасных вирусов. Мол, российские биологические лаборатории, доставшиеся в наследство от СССР, являются объектами повышенного риска, и вирусы, хранящиеся там, могут чуть ли не в любой момент попасть в руки террористов.

Все бы ничего, и новость быстро забылась. Только вот в

конце декабря 2019 года стало известно о вспышке пневмонии в Ухане, уже в январе Китай назвал опасного возбудителя и вызываемое им заболевание COVID-19 – новый и неизвестный до того момента тип коронавируса. И аккурат в это самое время, и даже до того, как Китай проинформировал ВОЗ о новом типе вируса, на российском «Векторе» уже шло тестирование проб на коронавирус, то есть там о нем уже знали.

Далее развернулась череда взаимных обвинений между китайскими и американскими СМИ. Первые писали, что COVID-19 был заброшен в Ухань из Форт-Детрика, военно-биологической лаборатории Пентагона. Американцы же сделали предположение, что вирус вышел из-под контроля китайских ученых в самом Ухане, где, как выяснилось, было сразу несколько сверхсекретных лабораторий китайской армии. А между тем ЧП на российском «Векторе» произошло накануне Всемирных военных игр, которые прошли... в Ухане. Сентябрь – возгорание под Новосибирском, октябрь – команда военных из России приезжает в Ухань. В составе нашей команды, естественно, присутствовали сотрудники ГРУ и ФСБ. Но учитывая специфику вирусологии, могли там быть и сотрудники с «Вектора». И очень вероятно, учитывая инкубационный период распространения вируса, что первые зараженные в китайском городе были уже в ноябре, в декабре же количество заболевших «пневмонией» приобрело взрывной характер и стало известно мировой обществен-

ности. Странные совпадения.

«Что, если Россия причастна к этой вспышке? Если версия об умышленно занесенном COVID-19 якобы из России в Китай, в Ухань, увидит свет, всплывет, что называется, или если хотя бы начнутся спекуляции на эту тему... – подумал я про себя, не нарушая тишину кабинета. – Это будет очень скверно, а то, что наши враги могут подхватить эту тему и начать активно педалировать, даже не обсуждается. Могут пойти вбросы типа: «Взрыв на «Векторе» – новый российский Чернобыль». А это тема опасная. Последствия чернобыльской катастрофы не устранены и по сей день. А ведь тогда власти крепко скрывали ее, поначалу говоря как про какой-то обычный пожар. После происшествия на «Векторе» были предприняты секретные меры локализации. Делалось это для того, чтобы избежать лишнего внимания и, как следствие, любых спекуляций на эту тему. Утечка COVID-19 – это даже не Чернобыль, а гораздо опаснее. Во много раз опаснее. И зацепись наши враги за эту тему, придется отвечать перед всем миром, статус страны при этом пострадает очень и очень сильно. Любая возня с информацией вокруг «Вектора», разумеется, нам не в кассу, но обвинить нас по такому поводу захочет каждый, кто ревностно смотрит на российско-китайские отношения. Кто это? Всем известно. Возможно, некие заинтересованные силы забросили коронавирус в Китай с легендой, что утечка исходит именно оттуда. А если это атака на Россию? Желание подставить нас, на-

всегда поссорив с китайцами. Но с китайцами поссорить – это одно, а вот использовать режим самоизоляции для нагнетания ситуации в стране, резкое заземление, разорение и, как следствие, злость и агрессию малого и среднего бизнеса на власть, разорение крупного бизнеса, невозможность воспользоваться кредитами, о которых заявлял президент, массовую безработицу, этими моментами могут воспользоваться те, кто давно вынашивает планы свержения Путина, возможно, с последующей ликвидацией. Хотя очень уж сложная многоходовочка получается».

– Ознакомился, – сказал я, возвращая документы генералу. Я достал из портфеля папку и зачитал интересную новость, распечатанную заблаговременно. В ней маститый ученый писал о том, что нет никаких признаков того, что коронавирус был разработан в лаборатории. Нет лабораторных моделей, которые позволили бы получить такой вирус. «Можно полагать, что мы имеем дело с мутантным вирусом летучей мыши. Кроме того, для получения искусственного вируса опыты нужно было ставить на людях, и об этом быстро стало бы известно», – писал в завершение ученый. Прочитав новость, я посмотрел на собеседника.

– Сложно, не сложно, нечего гадать на кофейной гуще. И Россия, и США, и Китай могли создать такой вирус. Другое дело, что говорить об этом равносильно расписаться в преступлениях против человечества, понимаешь? Говоря научным языком, за это глаза на жопу натянут и заставят мор-

гать! Либо мы, либо нам, первый вариант, как ты понимаешь, предпочтительнее. Да где же они шастают? – раздраженно прорычал генерал, глядя на часы. – Так, давай, чтобы время не терять, глянь еще вот такой материал. – Он достал из папки несколько листов и протянул мне. – А после встречи спокойно все обсудим.

В документах говорилось о возможной причастности Америки к вспышке COVID-19, который может быть биологическим оружием, разработанным в Форт-Детрике. А между тем Америка подписала в 70-х КБТО – конвенцию, запрещающую разработку и производство бактериологического и токсичного оружия. Однако много косвенных фактов говорили о том, что работа не только не была прекращена, но и имела фантастически действенные результаты. К примеру, после теракта с башнями-близнецами в 2001 году прокатилась история с сибирской язвой, когда ряд высокопоставленных сенаторов и представителей СМИ получили конверты с неким белым порошком. Выяснилось, что это был химзаряд со спорами сибирской язвы, который можно использовать в боезарядах. В результате этого биологического теракта более двадцати человек заразились, пятеро из них погибли. Было проведено расследование, и в 2007 году ФБР вышло на след ученого Брюса Эдвардса Айвинса. Он, как выяснилось, работал в этом самом Форт-Детрике. В момент, когда был выдан ордер на арест Айвинса, он вдруг погибает. И хотя официальной версией было названо самоубийство, его

смерть казалась весьма странной.

После загадочной смерти Брюса Айвинса дело, как и скандал, быстро замяли. Было ощущение, что никакого самоубийства не было, а имела место быть конкретная зачистка следов.

А не так давно вышла ставшая хитом продаж книга «Укушенный». Ее написала Крис Ньюби с медфакультета уважаемого Стэнфорда. Она описывает болезнь Лайма, клещевой боррелиоз, которая поражает кожу, суставы, сердечно-сосудистую и нервную системы. Возбудителя заболевания обнаружили в клещах в 1982 году. Ученый, его открывший, Вилли Бургдорфер, перед своей смертью в 2014 году дал понять, что занимался биооружием, – и вот тут, внимание – в той самой лаборатории в Форт-Детрик он якобы исследовал возможности насекомых быть переносчиками смертельно опасных заболеваний.

Все эти истории наглядно демонстрируют, что США работу над биологическим оружием не прекратили. Более того, есть свидетельства того, что десятки подобных лабораторий открыты в непосредственной близости от России – на Украине, в Казахстане, Грузии...

А что, если Штаты решили ударить по китайцам вирусом, чтобы тем самым подорвать их экономику? Это было бы крайне выгодно Трампу накануне президентской гонки. Тем паче что вспышка началась после информации о подготовке к саммиту Китай – Европа. Удивительным было еще и то,

что в первые недели новым вирусом поражались только китайцы. Чем не биологическое оружие направленного типа? Все следы вели в Форт-Детрик.

И вот тут «неожиданно» выяснилось, что лаборатории повышенной секретности имеются и в самом Ухане. Там работают с особо опасными штаммами типа лихорадки Эбола. Сразу появились предположения: так, может, вирус вырвался из китайских лабораторий? И Пекину не оставалось ничего другого, кроме как закрыть город на карантин. Причем ввести максимально жесткие меры, буквально блокировав Ухань. Иначе почему при вспышке SARS ничего подобного сделано не было? Насторожило и то, что в Китае так стремительно распознали коронавирус нового типа при том, что его симптомы так похожи на другие респираторные заболевания. В феврале китайские специалисты назвали переносчика вируса. Им стал панголин. Еще один повод для конспирологов призадуматься: на обложке «The Economist» – «Мир в 2019 году» были изображены четыре Всадника Апокалипсиса – Мор, Война, Голод, Смерть – и панголин. Журналом, кстати, владеют Ротшильды. Учитывая начало эпидемии в Китае, декабрь 2019-го, стали говорить, что это было послание миру, этакое пророчество.

– Мне подумалось, что они не могут быть верхушкой, потому что про Ротшильдов и Рокфеллеров говорят, а про настоящую, не ту, что подсовывается в СМИ, а самую настоящую верхушку мало кто знает. А тема интересная, – ска-

зал я, прервав чтение, после чего продолжил знакомиться со статьей...

Так родилась очередная версия: мол, пандемия – это про-иски мирового правительства с целью сокращения населения нашей планеты. Этим объяснили то, что в зоне риска в первую очередь оказались люди за 70, отработавшие свой ресурс. Я отложил листы.

Так могло быть, но теперь вирус валит и тех, кто моложе. Хотя если реально, то избавиться от стариков, разумеется, в массовом порядке, с их пенсиями – это вполне ощутимая экономия для любого государства. Звучит бесчеловечно. До чего же ужасные эти люди, все эти товарищи из мирового правительства.

Я снова взял текст в руки и продолжил дальше погружаться в материал.

Говорилось о странных совпадениях: когда дипломатические представители Китая выступили с резкой критикой Америки в своих социальных сетях. Вроде бы личное мнение в личных соцсетях, но в США мгновенно оценили китайскую подачу и своеобразную китайскую дипломатию, поняв, что такие действия могли быть срежиссированы только «сверху».

Одним из первых в своем Твиттере высказался молодой представитель китайского МИДа. Эрудированный, блестяще владеющий английским, известный своей отнюдь не протокольной манерой общения с журналистами, в личном Твит-

тере он прямо написал о том, что COVID-19, вероятно, мог быть завезен в Ухань американскими военными. И тут есть основание. В октябре 2019-го на тех самых военных играх в Ухане, которые открывал и закрывал лично Председатель Коммунистической партии Китая, приняла участие и большая команда из США. В велогонке на 50 километров, прямо во время заезда, упала считавшаяся фавориткой американка Бадди Бенасси, заняв в итоге лишь восьмое место. Эту «случайность» многие связали с наличием у американки коронавируса. Такое предположение родилось не на пустом месте, Бадди прошла службу в Форт-Детрике. Отдельно стоит сказать, что участники игр со стороны американской делегации не раз посещали прославившийся благодаря пандемии уханьский рынок морепродуктов и 100 % покупали тинами (1 тин = 500 граммов) все те изыски в виде бесконечных морских рыб и гадов, включая морских ежей, звезд, медуз, трепангов и т. д., названных позже источником вируса. Именно на эту историю практически открыто намекал в своем Твиттере китайский дипломат.

При этом он призвал американцев обнародовать истинные цифры заболевших, сопроводив заметку видео с выступлением руководителя Центра по предупреждению заболеваний в Америке, в котором тот сообщал, что у ряда пациентов, скончавшихся от респираторных заболеваний, при вскрытии был диагностирован коронавирус.

Его сообщение было поддержано другими китайскими

дипломатами. Посол КНР в Казахстане жестко выступил в Фейсбуке, подчеркнув, что изначально вместо того, чтобы готовиться к эпидемии, Штаты занялись откровенной критикой Китая, называя вирус исключительно «китайским». При этом американские медики уже заявили, что немало умерших от гриппа на самом деле жертвы COVID-19. Дипломат заподозрил откровенный мухлеж со статистикой и подтасовку фактов. Он писал гневно и жестко. И это не просто так. Такой стиль от китайского дипломата – это как плевок в лицо у европейцев. И Западу, и Европе это очевидно понятно.

Говорят, Восток – дело тонкое. Но даже таких стратегов и последователей Конфуция, как собственно китайцы, можно так... заколебать, что получишь тот самый плевок.

Начавшаяся полемика привела к глобальной информационной войне между Китаем и США. Начала разгораться синофобия. А после опубликования статьи, в которой Китай был назван «настоящий больной Азии», были высланы из страны сразу три журналиста американского «Wall Street Journal». Последний раз Китай прибегал к такой мере аж в 1998 году! А чтобы высылали сразу группу журналистов? Такие случаи были только при Мао Цзэдуне.

Чтобы пресечь антикитайские настроения, ВОЗ согласовала нейтральное название коронавируса – COVID-19. Но в Америке в официальных источниках о нем продолжали писать как о «китайском вирусе». Такие высказывания исходили в том числе от американского президента. Одно из мар-

товских выступлений Трампа спровоцировало нападения на китайцев в Америке. В день выступления, за сутки, было зарегистрировано почти 4 десятка нападений на азиатов. После чего Трамп заявил о том, что больше не будет использовать термин «китайский вирус». Бесспорно, на такое решение повлиял и резкий пост в Твиттере китайского дипломата. Возможно, Трамп сменил риторику в силу резкого роста количества заболевших в США, в то время как в Китае эпидемия шла на спад.

В конце заметки делался вывод о том, что в мире есть силы, способные формировать информационные потоки и управлять ими, формируя нужное мнение масс. Как это сейчас происходит с генерированием информации о коронавирусе. Определенные информационные потоки могут использоваться для формирования четко заданного поведения широких масс, и уже это можно использовать как меру воздействия на мировые элиты и правительство стран. В том числе и на Россию, в том числе и на Путина.

Прочитав статью, я задал себе лишь один, но, пожалуй, главный вопрос, который в эти дни волновал как минимум 1/3 всей нашей натерпевшейся планеты: кто эти силы, кому выгоден этот вирус? *Is fecit cui prodest* – ищи, кому выгодно. Вспомнился стишок:

Ищут пожарные, ищет милиция,
Ищет ОМОН в боевой аммуниции,

Ищут давно, но не могут найти,
Парни из ГРУ должны подойти...

– Есть еще что-нибудь? – поинтересовался я.

– Да, вот интересный момент, позже обсудим глобальные теневые вещи, – Мартов снова выдал несколько листов. – Вот доказательства, что американцы разрабатывали этот корона-вирус. Так, сейчас, – Мартов перебирал листы. – Вот, нашел, статья в научном журнале. Внимание, генерал-майор, – снизил тон почти до шепота и поднял указательный палец левой руки вверх, поддразнив им, генерал, – от 14 ноября 2015 года. Тебе предстоит работать в этом направлении, так что внимательно читай, чтобы не было вопросов и сомнений, что нас хотят подставить американские коллеги, поссорить с китайцами.

«Ученые из США создали вирус-убийцу» – заголовок сразу давал понять, что статья не про белок в дендрарии. В ней рассказывалось об эксперименте американских биологов, которые, взяв вирус SARS из легких летучих мышей, обитающих в Китае, и скрестив его со специфическим белком SHC014, получили вирус-мутант, смертельно опасный для человека. Вирус способен активно развиваться и быстро передаваться от человека к человеку, что потенциально представляет большую опасность. Особенно в случае утечки из лабораторных условий. В научной среде вызвало широкий резонанс и порицание того, что эксперименты были про-

ведены после отмены финансирования любых исследований вирусов типа SARS и MERS, введенного еще в 2014 году.

– Они же не идиоты так подставляться, товарищ генерал? – обратился я к Мартову после прочтения заметки. – Ну как-то совсем по-детски. То, что они вели какие-то работы, это совершенно без сомнения. Но чтобы потом вот так использовать... Все-таки правильнее думать, что у нас умный и коварный враг, а не наивные школьники, как считаете?

Мартов нахмурился и сдвинул брови.

– Зацепка есть? Есть! Дальше будем пазл за пазлом складывать, но я почти уверен, что американцы это и сделали. Смотри, в 2002 году они кинули китайцам SARS, тогда смертей было немного, но экономический удар был фантастическим. Тогда Китай не ответил особо, а тут ситуация другая. Трамп проиграл торговую войну Китаю и решил им отомстить. На военных играх подкинул им гадость, но Китай в 2002 году и Китай в 2020 году – это две разные страны! И китайские вирусные лаборатории нынче не уступают никаким в мире. Китайцы на все это посмотрели и закинули этот вирус Трампу обратно! Чтобы неповадно было! – генерал говорил спокойно, но убедительно. – В 2003 году я помню выступление китайских генералов, которые открытым текстом говорили: SARS – это биологическое оружие, направленное только против китайцев, и авторы его – американцы! И ты, и я знаем, что Китай – страна порядка, и ответь мне на вопрос, если бы китайцы не имели доказательств, что SARS 2002 го-

да – это дело рук США, они бы выступали так открыто, прямо? – Мартов снова сдвинул брови.

– Нет! Определенно нет, все подобные выступления – строго выверенная позиция, это абсолютно точно, – я был уверен в своих словах.

– Нам сейчас нужны любые доказательства, даже не доказательства, а любые факты по этому делу. Это сейчас, – генерал наклонился в мою сторону и стал говорить тише, – самое важное. Я не верю в везение, но и не фаталист. Как появился тот химик, которого ты завербовал, как его там? – генерал затарабанил пальцами по столу.

– Синь Фэньгуань, – напомнил я.

– Да, с ним надо встретиться. У меня хорошее предчувствие, – решительно сказал генерал. – На вот, почитай, скоро все будем оцифрованы, вакцинированы и станем киборгами, – улыбнулся генерал. – Читай, серьезно тебе говорю, – пытался безуспешно прогнать улыбку с лица Виталий Андреевич.

Информация – это золото XXI века. Короткая, но очень емкая фраза Мишустина, которая в полном объеме отражает суть происходящих ныне процессов. Да, информация становится товаром. Уже сейчас ее покупают и продают. Мировая экономика становится цифровой. Это – цифровизация. Сегодня данные об индивидууме собираются из всех доступных мест, размещаются на единую цифровую платформу, обрабатываются... Это – новая бизнес-модель.

Правда, сейчас еще далеко не все понимают, как дальше жить с таким багажом. Только если одни не понимают и принимают все, как им рассказали СМИ или соцсети, то другие не понимают, как работает бизнес-модель, основанная на цифровизации. Среди последних юристы, которые попросту не могут создать цифровое законодательство, потому что «цифрой» управляют люди с иным типом мышления, иными алгоритмами понимания мира и процессов, происходящих в нем.

Тем временем цифровые платформы внедряются во все производственные процессы не только для товаров, но и для услуг, устраняя всех посредников между производителями и потребителями этих услуг. Казалось бы, отсутствие посредников – это плюс, но сегодня это не те посредники, которые были в XIX–XX веках. Сегодня посредниками фактически становятся медики, чиновники, следом учителя и так далее.

Все это видно на примере внедрения онлайн-образования, для которого спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко уже предложила определить правовой статус. Что будет дальше, можно догадаться с большой долей вероятности – учителя будут попросту удалены из процесса обучения путем введения матрицы самообучения с использованием записанных компьютерных программ, таких как Alice или Siri.

В чиновниках также отпадет необходимость по мере развития цифровой платформы, работающей по отлаженной

бизнес-модели. А вот тут возникает вопрос, каким будет государство без чиновников? Кто будет управлять им? По логике вещей им будет управлять владелец такой вот цифровой платформы. Таким образом, прямо сейчас происходит цивилизационная революция, которая кардинально изменит характер отношений между людьми. Как раз об этом в 2018 году Центром стратегических исследований, который тогда возглавлял Кудрин, при участии ВШЭ был подготовлен доклад. Работа описывала все происходящее в настоящее время и перспективы, в результате чего предлагалось создать новую систему управления «государства как платформы».

Между тем тогда же были определены и исполнители – налоговая служба и Сбербанк. Не зря ходят разговоры, что именно глобальная оцифровка граждан страны в Федеральной налоговой службе, создание мощных баз данных позволили Мишустину стать премьер-министром.

Несомненно, для такой системы требуется хранение огромного массива информации. А это задача не из легких. Видимо, поэтому еще в 2017 году Сбербанк подписал соглашение об использовании «облака» с американской Microsoft – компанией, по сути, являющейся проводником глобализма.

Против такого развития событий выступила ФСБ, но как долго она будет способна сопротивляться цифровой революции, неизвестно. Тем временем Греф, понимая, чего ждет мир, дрейфует в будущее. На одном из форумов в Санкт-

Петербурге заявил, что ключевую роль в правительстве занимает министр образования, который должен формировать генетический код нации. Он призвал к глобальному, по сути, революционному процессу: формировать эмоциональное и социальное поведение.

А вот это уже система, в которой человек управляется искусственным интеллектом. Правда, для приведения его мозгов к особому алгоритму их нужно либо научить ему, либо сделать чистящую прививку. Как она будет выглядеть, неважно, пусть даже в виде жидкости для инъекций.

В любом случае это говорит о том, что человечество находится на пороге создания нейронной сети – системы, которая позволяет создать единую сферу между человеком и компьютером. Уж не поэтому ли Греф отвечает за эксперименты в образовании, за отдельные способы цифрового обучения, в которых уже участвуют около миллиона студентов из разных регионов.

Государство, в котором... не будет чиновников... Я слышал уже такое. И не где-то в кулуарах общества фантастов, а опосредованно, из уст одного из умнейших людей прошлого столетия: советского шахматного гроссмейстера, шестого чемпиона мира по шахматам, доктора технических наук, профессора Михаила Моисеевича Ботвинника. Есть отличный документальный фильм, просмотр которого дал мне пищу для размышлений в этом ключе.

Перестройка. Советский Союз переживает последние

дни. Тотальный дефицит. Стыдно сказать, туалетная бумага – дефицит. В стране, которая каждый месяц запускала в космос спутники, нечем вытирать жопу. И пока одни, дербаня власть, буквально разбазаривали то, что было национальным достоянием, даже не опасались, что харя треснет, другие пытались спасти Союз. Ботвинник искренне верил, что стране нужна экономическая реформа. Выдающийся аналитик, он вместе с соратниками-единомышленниками создали на ЭВМ специальную программу, потом ее назовут искусственный интеллект, который был бы способен управлять целой страной.

Серьезно, только представьте, компьютер управляет всеми процессами. 15 лет назад я бы в такое не поверил. Даже так скажу, я бы просто рассмеялся, беря в руки свой кнопочный допотопный Sony Ericsson. Что-что, а те аппараты ни мною, ни кем бы то еще не смогли бы управлять. Другое дело сегодня. Идею Ботвинника и его коллег похерили, и как говорят, во многом из-за того, что система Ботвинника исключала чиновников. Другими словами: государство управлялось бы как некая самодостаточная экосистема.

И нынче все идет к этой самой оцифровке страны. Создание цифрового общества. И вот когда не понадобятся чиновники, за ними врачи, и можно будет обходиться без учителей и дальше по цепочке, тогда и наступит эта самая «небылица» про «золотой миллиард». Люди просто перестанут быть нужными. Как «Водный мир» с Кевином Костнером. Исто-

рия с наднациональными группами, которые стоят даже над масонами, над Ротшильдами и Рокфеллерами, вполне может быть, ведь им и нужен этот «золотой миллиард». Все упирается в вычислительные возможности, поэтому в мире идет настоящая гонка за создание супермощных компьютеров. Следующим шагом будет создание из людей киборгов, которыми будут управлять эти суперкомпьютеры.

В этой связи интересен опыт Китая, который в середине 2016 года разработал новый суперкомпьютер, который на тот момент стал самым мощным на планете. Шутка сказать, что компьютер этот сместил на второе место лидера, другой суперкомпьютер... тоже китайский. Момент в том, что предыдущий лидер был оснащен американскими процессорами, новый – китайскими, коих было больше сорока тысяч. Занял агрегат площадь около тысячи квадратных метров.

Китайцам важно перейти на все свое. Их словно смущает что-то иностранное в их изделиях. Это то ли комплекс, то ли перфекционизм, то ли желание конкурировать с самими собой. Они как будто готовятся жить в мире, где есть только они. А значит, они и должны делать все самостоятельно, чтобы лишний раз не идти ни к кому на поклон. Китайский суперкомпьютер на середину 2016 мог выполнять 93 квадриллиона вычислений в секунду. Это в 4,5 раза больше, чем у швейцарской машины, занимающей третью ступеньку супертопа. Китайцам также удалось значительно снизить потребление электроэнергии. В то же время Китай стал пер-

вым по количеству таких машин – их стало 167 против 165 в Америке, которая была на втором месте. Российских суперкомпьютеров в топ-500 рейтинга оказалось всего семь, самый мощный из них «Ломоносов-2» из МГУ, болтается в пятом десятке, на 41-м месте.

Увы... Что же китайцам считать с помощью таким компьютеров? Искусственный интеллект разрабатывать? Совпадение или нет, что как раз в те годы в Поднебесной приняли закон о хранении данных пользователей строго на территории страны. Строго и без исключений! Китайцы понимают ценность данных. А тем паче ценность информации о своих гражданах. «Яблочники» после некоторых провальных попыток «гнуть свою линию» и, вероятно, помня печальный опыт Гугла, который из Китая вышвырнули, решили не спорить с потомками Конфуция. Да и не успели бы американцы построить новый дата-центр, так что китайцы заграбастали всю информацию, почти, как говорится, без боя. «Яблочники» пошли на все условия, выставленные китайцами, и даже на те, о чем их не просили. В частности, Apple запретила создателям кино- и видеоконтента для своих сервисов выступать с критикой правительства Поднебесной, даже если этого требует сюжет, потребовав смягчать критику, корректируя сюжет.

Как показал тогда опыт Китая: у каждого принца есть своя цена, измеряемая в юанях. Китайцы явно не хотят сюрпризов вроде того, когда спортивное приложение Strava по-

казало с помощью «тепловых карт» военные базы, в том числе и в Антарктиде. Кто владеет информацией на пару миллиардов своих граждан, тот реально владеет миром. Китайцы это понимают и идут к этому. Поэтому они и производят суперкомпьютеры, чтобы все фиксировать, включая своих граждан.

Глава V. Загадка «Водяного»

В кабинет постучали.

– Входите, – громко разрешил генерал.

Дверь открылась, и в переговорную один за другим вошли четыре человека. Все военные разных званий. Все с коричневыми одинаковыми папками. Я встал поприветствовать коллег. По мере того как Мартов их представлял, мы здоровались. Меня называли китаистом-переводчиком.

– Полковник Крыленко Иван Андреевич, бывший резидент в Китае.

– Полковник Березин Антон Павлович, бывший заместитель военного атташе.

– Майор Гаврилин Арсений Иванович, переводчик.

– Подполковник Верхоглядов Семен Семенович, аналитик.

Все еще не успели рассесться за столом, как в дверь снова постучали. Вошел Минин. Шестидесятивосьмилетний полковник, браво сделав несколько шагов, звучно поздоровался с присутствующими. На удивление, он их всех знал. С Мининым мы не виделись больше четырех лет. Ни он, ни я не искали встреч. В голове как вспышки молний пронеслись мысли: «Возможно, если у него будет время сегодня, мы с ним поговорим. Хотя, если его пригласили, значит, нас ждет совместная работа. Вероятно, но не точно. Посмотрим».

– Товарищи офицеры, – начал генерал Мартов, – введите полковника Назарова в курс дела.

Слово взял полковник Березин.

– В 2008 году в Шанхае нами был завербован перспективный китайский ученый-химик, псевдоним «Водяной». За это время его вели два наших сотрудника, сначала, первые пять лет, его вел «Буддист», потом, в связи с окончанием командировки, его передали «Кузнецу». Примерно год назад китаец перестал выходить на связь, а неделю назад объявился. На встрече с нашим резидентом он сказал, что у него есть совершенно секретная информация относительно коронавируса нового поколения. Сообщил, что работает сейчас в исследовательском институте вирусологии под Уханем при Китайской академии наук совместно с Ши Чжэнли – вирусологом, псевдоним «Летучая мышь». В 2015 году там была открыта одна из лучших в мире лабораторий с самым высоким уровнем биобезопасности. Мы точно не знаем, та ли это лаборатория или нет, из которой якобы была утечка, это нужно будет при возможности выяснить.

– Этот Ши Чжэнли не наш еще? – поинтересовался генерал Мартов, внимательно слушавший доклад.

– Это она, – поправил Виталия Андреевича докладчик.

– Ммммм, она, – пометил себе генерал. – Продолжайте, Антон Павлович, – генерал снова дал слово бывшему заместителю военного атташе России в Китае.

– «Водяной» пожелал встретиться с тем нашим сотрудни-

ком, который его вербовал в 2008 году, встреча через 5 дней. Он сказал, никаких повторных встреч не будет. Поэтому полагаем, встречу нужно провести.

Я вспомнил нашу первую встречу с Синь Фэньгуанем в Шанхае. Вспомнил, как я его вербовал, это было непросто. Синь был очень падок на женщин, и красотка Гого тогда мне очень помогла. Впрочем, из-за нее же я чуть было не погиб. Интересно, зачем ему именно я? И еще одна странность, Синь – химик, пусть толковый, но химик, а не биолог, и каким боком он имеет отношение к вирусам?

– Разрешите, товарищ генерал? – подключился к беседе полковник Крыленко.

– Да, Иван Андреевич, пожалуйста, – разрешил Мартов.

– Американцы давят на Китай с претензией, что они занижали цифры по пандемии. И китайцы вчера дали новые цифры, по всему получается, что мутят они со статистикой, разрешите зачитать?

– Слушаем, – жестом показал генерал-майор.

– «Америка обвинила Китай в занижении цифр зараженных от коронавируса, а ВОЗ в преступном сговоре с Пекином. Вашингтон считает, что Китай скрыл начало эпидемии, тем самым подставив весь мир, – зачитывал Крыленко. – Под давлением Пекин «перепроверил» информацию и обнародовал данные о чуть более 300 тысяч зараженных и почти 1300 умерших, о которых ранее не сообщалось. Эта новость пронеслась как буря, и даже неизвестно, стоило ли это делать?»

С одной стороны – это заявка на честность, мол, мы вот даже еще раз пересчитали, ну вот чуть больше получилось. С другой стороны, если раньше в официальных данных из Китая сомневались, то теперь им вообще не верят. Поскольку, пока не началось давление, Пекин даже не думал обновлять цифры. Очевидно, что теперь Америка тему эту не отпустит и продолжит прессинг». Сейчас прошу внимания, – призвал Крыленко. – *«Разведка США собирает данные об уханьской лаборатории. Аналитики поставили целью воспроизвести точную картину начала вспышки заболевания в Китае»*. Тут еще и Медведев с разговорами о биологическом оружии. Есть вероятность, что Вашингтон в итоге обвинит Пекин в разработке и утечке биологического оружия, которое в итоге и подкосило весь мир».

– Короче, американцы зашевелились, и если они начнут искать глубоко, они могут найти то, что им находить не надо. Козлами отпущения они сделают либо Китай, либо нас, – резюмировал Иван Андреевич.

– Мы пригласили переводчиков. В чем там сложность? – задал вопрос генерал Мартов. Переводчик майор Гаврилин и аналитик подполковник Верхоглядов обменялись взглядами, решая, кому из них начать. Начал старший по званию Верхоглядов.

– Из Китая мы получили данные, что «Водяной» не назначил место встречи, – начал Семен Семенович.

Я посмотрел поочередно на лица сидящих передо мной

коллег, пытаясь понять их отношение к происходящему. Очевидно, что они уже пытались найти ответ на этот вопрос. Безуспешно.

– На последней встрече «Водяной» произнес странную фразу, пояснив, что тот, кто его завербовал, поймет, где она состоится. Время 19 часов.

– Я что-то не понимаю, это секретность или глупость? – спросил генерал. – Почему нельзя было уточнить место?

– Возможно, агент чего-то опасается и не хочет, чтобы место встречи было известно заранее. Плюс ко всему в Китай сейчас закрыт въезд для иностранцев, да и напряжение властей в Ухане сейчас очень высоко. Мы только что слушали про активизацию разведки США, но я уверен, что информация про лабораторию сейчас ищут все. Равно как и проверяют различные версии, в том числе и конспирологические. Наверняка лаборатории контрразведка сейчас охраняет лучше обычного. «Водяной» это знает, возможно, видит, возможно, догадывается, короче говоря, решил перестраховаться.

– И какие идеи относительно места встречи? – спросил я.

– «Кузнец» сообщил, что «Водяной» был на встрече сильно напуган, но на конкретный вопрос чем ничего не ответил. На китайском он сказал: «Rán tā kān dà bàozhǐ guǎn wǒ jù zài lǐmiàn». Мы это перевели как: «Пусть он смотрит в большой газете, я буду внутри». Агент «Кузнец» прислал такую же версию перевода. В чем смысл, он не знает, ждет нашей

помощи.

Я записал иероглифами сказанное майором Гаврилиным.

– Это какая-то абсолютно неправильная конструкция, в ней все не так. Китаец бы так не сказал. У «Водяного» или у «Кузнеца» на встрече была газета? – поинтересовался я.

Офицеры переглянулись.

– А почему вы думаете, что у кого-то из них была газета? – задал вопрос бывший резидент в Китае полковник Крыленко.

– Иван Андреевич, – обратился я к полковнику, – ощущение, что «Кузнец» мог не так запомнить сказанное. Я заберу сейчас же свои слова обратно, если мы послушаем запись и сразу поймем, о чем речь.

– В этом главная проблема, записи нет, – сообщил Крыленко и добавил: – Газета была у «Водяного».

– Газета могла, скажем так, подтолкнуть агента к запоминанию или ассоциации сказанного с газетой. Мозг мог связать услышанное с газетой, и поэтому отложились и до нас дошла газета. Насколько я помню, а помню я хорошо, – я улыбнулся сказанному обороту, – «Водяной» из местечка Куньшань, округа Сучжоу, рядом с Шанхаем, а там очень популярно всякое сы-сы-сыканье.

– Просветите, товарищ полковник, – попросил генерал Мартов. – Вы жили в Китае так долго, что, думаю, некоторым будут интересны ваши мысли, а если они нас приблизят к разгадке послания, будет совсем хорошо.

– Китайский язык занесен в Книгу рекордов Гиннеса как один из самых сложных языков мира, – начал я издавека. – Причина тому иероглифы и диалекты, которые подчас так сильно отличаются друг от друга, что могут даже восприниматься как разные языки, – я поднял палец вверх, чтобы привлечь внимание собравшихся именно к этой части повествования, ибо это и было главным в мини-просветительском экскурсе. – Выделяют десять китайских диалектных групп, – я скрестил указательные пальцы рук, что и значило в китайском языке число десять. – Диалекты связаны единой грамматикой, отчасти лексикой, но их фонетические различия затрудняют общение людей, живущих в разных частях Китая, а для иностранцев, не носителей языка, такое многообразие диалектов может стать проблемой. Если представить, что южанин и выходец из Сычуаня, к примеру, каждый будут говорить на своих диалектах, то они скорее всего не поймут друг друга. Есть нормативный китайский язык, путунхуа, основанный на пекинском произношении. Сегодня его изучают во всех школах страны. Вот при переходе на путунхуа китайцы из разных провинций с легкостью найдут «общий язык», даже с учетом некоторых фонетических особенностей, – я взял паузу, соображая, что еще важное нужно сказать собравшимся, чтобы чуть прояснить ситуацию.

– Теперь привяжите все сказанное к нашей «газете», – воспользовавшись паузой, попросил генерал. Видно, что он внимательно слушал все сказанное мною. Я задумался, пы-

таясь максимально просто реализовать привязку.

– Разрешите мне, товарищ полковник? – обратился ко мне аналитик Верхоглядов.

– Да, пожалуйста.

– Если я правильно понял полковника Назарова, фраза, произнесенная «Водяным», может иметь совсем иной смысл, исходя из диалектических особенностей его места формирования языка, – предположил полковник.

– Совершенно верно, – подтвердил я.

– Я изучал шанхайский диалект – вернее, правильно его называть хойский – китайский диалект группы «У», распространенный в Шанхае и окрестностях, – вступил в обсуждение майор Гаврилин, проживший в Китае около 10 лет и работавший под прикрытием в консульстве России в Шанхае. – Я кручу в голове эту фразу, меняя «баочжи» на то, как сказали бы шанхайцы, ну а Кунышань – это все один район, я там бывал несколько раз, фонетика одна, я в этом уверен, – Арсений Иванович говорил тоном, не терпящим возражений. Сразу видно, человек – не болтун, почти всю беседу промолчавший, он вступил активно лишь тогда, когда его знания дают в беседе реальные преимущества, пользу. Для этого его, собственно, и пригласили. – Так вот «баочжи» в диалекте может звучать как «баоцзы». А баоцзы, уважаемые коллеги, – расплылся в улыбке переводчик, вероятно, вспомнивший свой китайский этап, – в шанхайской кухне и тех краях очень, очень популярное блюдо, маленький такой

пирожок, – рассказчик руками показал что-то небольшое, на полторы фаланги пальцев, – с начинкой, приготовленный на пару. Классика начинки, – чуть понизил тон майор, чтобы после торжественно объявить – свиной фарш с капустой, – он сказал это так торжественно и вкусно, что офицеры, переглянувшись, рассмеялись. – Также могут быть с доуфу, тыквой, грибами, – майор явно исходил слюной, вспоминая свои гастрономические приключения, вероятно, очень частые. – Так вот, – его лицо и тон стали строгими, – если мы продолжим фразу, прихватив от нее следующий иероглиф, то получится «баоцзыгуан», то место, где подают эти «баоцзы». Перед этим идет иероглиф «большой», далее «я буду внутри». Выходит, в городе встречи нужно найти самую большую «бауцзышную», если она там есть, ну а время известно. Ну, или это может быть кодовое слово, – майор убедительно раскусил эту лингвистическую задачку, которую все же, по ощущениям, наш «Кузнец» переврал.

Ну да ладно, дело за малым, проверить версию. Генерал Мартов, очевидно, как и другие сидящие за столом, понял следующий шаг. Мартов вышел со словами: «Буду через десять минут, попейте чай или кофе, кто хочет». Подполковник Верхоглядов обратился к майору Гаврилину, только что, судя по всему, произведшему сильное впечатление на окружающих:

– Сложно выучить китайский? Там же полно этих иероглифов? – улыбнулся Семен Семенович.

– Это только так кажется, – рассмеялся майор, – пятьсот иероглифов выучил, уже больше половины понимаешь, выучил две тысячи иероглифов, девяносто пять процентов текста твои.

– Три тысячи иероглифов хватит читать газету – так что начинай, подполковник, – в шутку подколот Верхоглядова полковник Крыленко. Бывший резидент в Китае полковник Крыленко был человеком очень молчаливым. Он что-то постоянно писал, внимательно вглядываясь в лица говоривших. Его профессиональное кредо, как мне показалось: слушать и фиксировать. Вопросов не задавал, головой не кивал, лишнего не говорил. Идеальный военный разведчик.

– Ну три тысячи-то я освою за пару лет? – рассмеялся Верхоглядов. – Я ведь еще молодой! – похвалил сам себя подполковник. – Каждый день по три иероглифа, в год получается 1095, ну? Три года – и готово! – рассмеялся Семен Семенович. – Сколько там всего иероглифов? А то, может, я все выучу да пойду китайский преподавать? – уже в голос засмеялся подполковник.

– В «Море китайских иероглифов», – начал переводчик Гаврилин, – это самый полный словарь, – пояснил он, – так вот в нем 85 568 иероглифов.

Верхогляд, наливший себе чаю, чуть не поперхнулся. Затем сделал серьезное выражение лица и изрек:

– Всего каких-то восемьдесят шесть лет, и весь словарь китайских иероглифов будет в моей голове, – он показал

пальцем на голову и для убедительности постучал пальцем по левому виску. Все рассмеялись. Генерал Мартов вернулся довольный.

– Да, такое место есть.

Он быстро сел в кресло во главе стола и довольно потер ладони, будто заскочил с холоду или собирался добыть огонь.

– Я помню по Шанхаю ругательное выражение, связанное с этим: цхайбаоцзы, – поделился майор, – переводится «тряпьяные баоцзы», а означает тряпка или размазня. Мол, настоящие баоцзы должны быть с мясом, что-то типа такого.

– Так, баоцзы мои! – скомандовал генерал-лейтенант. – Майор Гаврилин, подполковник Верхоглядов и полковник Березин, вы свободны. Полковник Назаров, вы останьтесь! Иван Андреевич и Сергей Анатольевич, вы тоже останьтесь, – вежливо приказал Мартов полковникам Крыленко и Минину.

Когда офицеры вышли, Мартов достал из своей папки с бумагами медсправку.

– Так, Алексей Петрович, – сказал генерал, обратившись ко мне. – Вы у нас, как я понял, переболели коронавирусом?

– Так точно, без симптомов все прошло, даже температуры не было.

– Выходит, бояться особо нечего, а это значит, что мы должны спланировать твою встречу с «Водяным». И полковники нам помогут.

– Можно просьбу, товарищ генерал?

Я встал с места.

– Слушаю.

– Товарищ генерал, сейчас с этой самоизоляцией все закрыто, мне бы букет роз организовать белых, штук 15, и парочку киндерсюрпризов детям, – обратился я к генералу со своей личной просьбой, понимая, что до глубокого вечера я буду занят. – Деньги я дам, – и я запустил руку в нагрудный карман за портмоне.

В Древнем Китае даже цвета имели символическое значение. Синий, по представлению китайцев, воплощал покой и мир, красный – буйную радость и счастье, желтый называли цветом государя, он был источником силы и богатства, белый олицетворял скорбь. Здания оркашивались в строгом соответствии с этой символикой. Крыши императорских построек ожидаемо были желтыми, крыши пагод в парках и садах были, как правило, синего цвета. Значение придавалось и расцветке одежды. Так, когда император молился небу, он был одет в одеяния голубого цвета, при молитве земле – желтого, солнцу – красного, луне – белого. Супруге нравились белые розы, жили мы не в Китае. Поэтому я решил пренебречь символизмом цвета и порадовать жену.

– Считай, что сделано, не надо денег, – генерал показал жестом, чтобы не доставал портмоне.

Он вышел на 5 минут и по возвращении подмигнул, мол, «оки-доки». Я поблагодарил генерала за заботу, и мы про-

должили.

– Иван Андреевич, въезд в Китай для иностранцев сейчас закрыт, как нам миновать эту сложность? – обратился генерал к резиденту ГРУ в Китае в недавнем прошлом.

– У нас есть тоннель из Градеково в Суйфэнхэ, может, по нему? – предложил Иван Андреевич.

– Нет, – резко ответил Минин, – лучше забросим с парашюта. Или лучше из пушки выстрелить? – не успел он договорить, как оба полковника рассмеялись, словно ждали этого целый день.

– Ха-ха-ха, Петросяны, – я махнул рукой и отвернулся вполоборота от стола.

– Не обижайся, полковник, мы в шутку, – Минин обошел стол и сел рядом со мной, похлопав по плечу.

– Авиа отпадает, есть вариант через фуры, они у нас ездят без проблем. Гродеково, Поярково, Нижнелененское, Покровка – эти все закрыты, это не вариант, – Иван Андреевич сверялся с данными из папки. Затем достал карту и разложил на столе для наглядности. – Турий Рог – Мишань, – полковник Крыленко смотрел внимательно на карту, водя пальцем сначала по нашей, российской стороне, а потом по китайской. – Пограничный – Суйфэнхэ, Полтавка – Дуннин. Значит, сейчас гляну: так, Турий Рог – Мишань – пропускной рабочий режим с 11 до 19 часов, Пограничный и Полтавка – с 9 до 21 часа. Поедем через Полтавку, у нас там свои люди на той стороне, пойдем перед самым закрытием, сложно-

стей не будет никаких, проскочим, там вас подберет наш человек из Шэньянского консульства. Единственное, надо будет незаметно к нему в машину заскочить, но это мы организуем. Дело техническое, сложностей нет никаких. Предлагаю лететь через три дня спецбортом в Артем, на авиабазу Центральная угловая, далее на машине до Покровки, закладываемся и к часам 19 катим на переход до Дуннина и дальше до Муданьцзяна, там пересадка в нашу машину, оттуда в Шэньян, часов семнадцать катить. Отдыхаете малость и дальше, на маршрут, сутки на машине до Уханя, вернее, до его пригорода.

– Это почти двое суток в дороге? – спросил Минин, прищипнув.

– Да, – протяжно ответил Иван Андреевич, внимательно вглядываясь в карту, как будто продолжая что-то высчитывать. – Сейчас зайти можем только через Полтавку, ну и учитывайте, что передвижение на автомобиле. Был бы самолет, ясно, было бы быстрее. Так что автомобиль. Слушай, ну а что? Ляжет и будет спать, сил набираться. Границу пересечет, там уже можно более-менее спокойно себя чувствовать, контроль, нам передают из Китая, сейчас умеренный, правда, в Ухане очень много журналистов, посольские всякие крутятся, поэтому надо внимательно. Контрразведчики секут фишку. Но внутри Китая мы снабдим дипдокументами, в самолет, правда, по ним соваться нельзя. Документы так, на всякий случай, проверку-то выдержат, но лучше, что-

бы не проверяли. Быстро провести встречу и обратно. Там задерживаться не рекомендую, чем быстрее все пройдет, тем спокойнее.

Генерал согласно покачал головой.

– Полковник, вы принимали данные о вербовке «Водяного»?

– Да, – ответил Минин.

– Как думаете, – продолжил генерал, – почему такой странный пируэт, год не выходил на связь, и тут на тебе, ультиматум?

– Он говорил про коронавирус, но мне неясно, какое он, химик, имеет к нему отношение? – задумчиво произнес полковник Минин.

– Я тоже об этом думал, – подключился я к разговору. – Может, там несколько лабораторий? А может, просто подстава? Ну бред какой-то – спустя двенадцать лет вытаскивать человека? Может, он умер уже?

– Нет, я не думаю, что подстава. Он передал нам все секретных сведений на три, а то и на четыре расстрела. К тому же мы приучили его к деньгам. Сначала все шло на страхе, а потом он во вкус вошел, нет, считаю вероятность подставы минимальной, – уверенно рапортовал Минин.

– Короче, надо разбираться, тебе предстоит скататься, выяснить, что там за такая ценная информация, – сказал генерал и встал из-за стола.

– Китайцы уже официально обвинили американцев, что

это они закинули им этот «подарок». Мы никакие операции, насколько мне известно, кх-кх, – кашлянул генерал на этих словах, – не проводили, поэтому версии две: либо американцы, либо утечка реально у самих китайцев.

– А «Вектор»? – поинтересовался я. Все словно пропустили мимо ушей мой вопрос.

Это показалось странным, то есть, выходит, никого не интересовало, откуда вирус, главный интерес был в том, что нам приготовил китайский агент. Сложилось впечатление, что упоминание вирусного центра «Вектор» ни у кого из присутствующих энтузиазма не вызывало. Вроде тема есть, и ее вроде нет.

– Узнай, насколько плотно он занимался этой заразой и занимался ли вообще. Дело опасное, но не в плане заразы, ты переболел, должно быть все нормально. Опасное в том плане, что Китай и США вряд ли признаются. Даже если у китайцев произошла случайная утечка, они вряд ли скажут, – Мартов поднял обе брови и цвиркнул губами. – Разведка США уже обвинила Китай в сокрытии реальных цифр эпидемии.

– Ну, статистика дело такое... Уж лучше скрыть, чем подвергать панике страну, – глядя на Мартова, сказал я.

– Мне кажется... – раздался телефонный звонок, я замолчал. Разговора слышно не было. Опытный генерал прижимал трубку близко к уху, как я в кабинете при моем подчиненном, майоре Мингере. Разговор получился короткий: «да», «выясню», «так точно».

– Если след идет из США, – положив трубку, продолжил генерал, – то я почти уверен, что этот вирус искусственный и стал следствием торговой войны США и КНР и клубка иных проблем. Но если это биологическое оружие или бактериологическое, то откуда в Америке и Европе такая смертность? Значит, – генерал откинулся на спинку стула, – значит, его кто-то докрутил и кинул в ответку, – процитировал он выдержку из статьи, которую недавно дал мне для ознакомления.

Я подхватил разговор:

– В 2003 году китайские генералы после эпидемии SARS говорили о вирусе, как о биологическом оружии, направленном против китайцев. Не в целом против азиатов, а конкретно против китайцев. А тут что-то весь мир мрет, кроме вроде как Африки. Но там могут быть проблемы с диагностикой. Ну и со статистикой.

– Товарищ полковник, что еще потребуется для перехода границы? Стартуем через три дня, что нужно, говорите, пока время есть. Самолет в Артем организуем, там машины согласуем. Согласование с агентурой по прохождению маршрута на вас, – приказал генерал. – Если вопросов нет, полковник Крыленко свободен, – готовь все необходимые документы и план операции мне на стол в письменном виде. Свяжитесь с резидентурой, скажите, чтобы ждали агента.

– Слушаюсь! – встал полковник. – Разрешите идти?

– Идите, – разрешил Мартов.

Мы попрощались с полковником, он вышел.

– Ну что, Сергей Анатольевич, пообщайтесь пока, я выйду на полчаса, по возвращении обсудим ближайшие пару дней.

Генерал, накинув китель, вышел из переговорной.

Глава VI. Разговор с наставником

Пару минут мы с Мининым сидели молча, просто глядя друг на друга, как старые друзья.

– Кто-то нас подставляет, – наконец начал разговор полковник, – надо выяснить кто. Сотрудник наш, летавший в Китай от «Вектора», зараженным не был. Значит, надо искать там, у наших «друзей», – Минин сделал характерный жест, обозначающий кавычки. – Свежий номер «Коммерсанта» читал?

Я отрицательно покачал головой.

– Почитай, интересно, – достал из папки газету полковник.

Я развернул свежий номер: как редко в наши дни мы сталкиваемся с настоящим запахом типографской краски, все больше погружаясь в безжизненные новости электронных СМИ на наших компьютерах и телефонах.

В короткой заметке говорилось о том, что США сильно не понравилась помощь, которую Россия оказала Италии. Американцы узрели в действиях нашей страны желание усилить геополитическое влияние, воспользоваться ситуацией. Ни о каком гуманизме, по их мнению, со стороны России речи не шло. Удивительно, что диппредставитель ЕС Жозеп Боррель начал дудеть в эту же американскую дуду, поддакивая Трампу и обвиняя Россию, да еще и Китай в корыстном ис-

пользовании пандемии для расширения собственного влияния. Стало заметно, что в данной ситуации Италия и ЕС – не союзники. Однако приятным оказалось то, что сам премьер Италии Джузеппе Конте не пошел по пути мракобесия и назвал «глубоко оскорбительными» высказывания Трампа и его союзников. Очень уж смахивало на желание США использовать любой повод, чтобы уколоть Россию на мировой арене. При этом цинизм, с которым они это делали в такой сложной ситуации, их, казалось бы, не смущал. Между тем сами они не очень-то хорошо справлялись с пандемией даже у себя дома.

– Ну что, меня это не удивляет, – сказал я, отложив газету, – после пандемии они еще активнее будут давить на нас. Нам надо любой ценой разобраться в ситуации и быть готовыми с фактами поставить их на место. А между тем их разведка, я уверен, уже землю роет в этом направлении.

– Знаешь, Алексей, о том, что руководство нашей страны могло знать об их планах, говорит хотя бы тот момент, что конкретно против России «зараза» применена не была. По крайней мере, на текущий момент.

– Не понял, у нас смерти каждый день. Вы думаете, люди от чего-то другого погибают? Типа приписки?

– Нет, я не об этом, – отмахнулся Минин. – Я имею в виду, что к нам вирус попал с приездом домой туристов, вернувшихся из Европы, охваченной эпидемией. Кстати, китайский вирус и вирус в Иране и Европе – разные. То есть против

этих стран США вполне могли применить бактериологическое оружие. Разработанное полноценное бактериологическое оружие, а против России – нет. Ибо знали, что ответ им обязательно пришлют. И в этом они были абсолютно правы. Так что там, – он поднял указательный палец вверх, – знают определенно больше, чем тут. А китайцы возьми да ответь америкосам!

– Говорят, у китайцев уже есть вакцина. Что думаете? – спросил я.

– Разберемся, – ответил Минин. – Я думаю, есть, но пока не про нашу честь! Мы же с тобой здоровы, – рассмеялся Минин.

– Как ни крути, мне кажется, многое говорит о том, что дела у наших американских друзей очень плохи. Не зря же еще эти обвинения Пекина о занижении статистики смертности по коронавирусу. Валят с больной головы на здоровую. Все «стайл оф ю-эс-эй»: все кругом дураки, а они герои. Так ведь удобнее, прошлепали вирусягу, а китайцы виноваты. Как они так себя ведут? – с легким, почти театральным возмущением выдал я. – Они же в каждой бочке затычка, на китайцев стали наезжать, вирус им закинули, а те ответили. Я думаю, после такого ответа китайцев США долго не будут применять подобные методы, хотя хрен их знает.

– Посмотрим, – Минин был сдержан в оценках. – Есть мнение, что за этим стоят наднациональные группы – ты время найди, про масонов почитай, чтобы в тему погрузиться.

Так сказать, выработать мнение по вопросу. А пока давай-ка мы с тобой обсудим план и проведем установки, с кем встречаться, где и как.

– Про масонов? Вы сейчас шутите надо мной, да? Может, сразу тогда Богу позвонить или гуманоидам? – я громко рассмеялся.

– Я посмотрю, как ты через пару месяцев будешь смеяться, – серьезно ответил Минин.

Полковник погрузился в воспоминания.

– Знаешь, когда разваливали Советский Союз, а Цой горлопанил о том, что страна хочет «перемен», мало кто даже в КГБ относился к этому серьезно. Подумаешь, песенки, фильмы кровавые, наркота, проституция, свободная торговля. А про криминал и ежедневные убийства ты, наверное, и сам слышал. А знаешь, кто это сделал?

– Кто?

– А вот ты почитай, что я тебе рекомендую, а потом обсудим. И прошу тебя, не будь как слепой котенок. Сделай это сознательно, потому что события в ближайшее время будут развиваться весьма необычно.

Минин словно перенесся в ту эпоху. Грусть и жалость читались в его глазах. Нет, это не была бравада со стороны старого разведчика, он определенно понимал, о чем говорил, и еще более очевидно, принимал в этом участие. На стороне добра, разумеется. Тех, кто не желал развала СССР, олигархического безумия и, как следствие, обнищания огромного

количества тех самых граждан, которые помнят строки песни «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек...». А еще в ней много нефти, газа, леса и природных ресурсов, которые в одночасье «прихватизировали» те, чьи дети учатся в Лондонах да Нью-Йорках. Странно, размышляя на эту тему, даже мне становится как-то грустно и не по себе. Что уж говорить про Минина.

– Хорошо, – я взял ручку из стоящего на столе стакана-подручника (как я его иногда называл при Минине, веселя тем самым моего наставника), несколько чистых листов и был готов.

– Значит, смотри, оперативная ситуация там сейчас более-менее спокойная, змеи в спячке, границу пересечешь в кабине фуры, там у нас есть оборудованный отсек, сбоев не давал, лежишь в нем тихо и лежишь. На границе будет наша смена, досмотр символический, они знают, что мы возим лес, они с этого кормятся.

– Так вот кто крышует вывоз леса из страны? – я впился взглядом в Минина, изображая лицо прокуратора Иудеи Понтия Пилата.

Ему было по барабану, в свои шестьдесят восемь лет он уже не испытывал никаких сантиментов по поводу работы разведки.

– Не мели чушь и не отвлекайся, я не про чернуху тебе рассказываю, у нас все легально с документами, – строго сказал Минин и добавил: – Знаешь, Леша, на китайской таможен-

не, как и на русской, люди хотят-таки кушать.

Минин рассказал детали, уточнив, что документы, которыми меня снабдят, получу уже на китайской стороне от нашего резидента.

– Если вдруг, я повторяю, если вдруг поймают, – строго давал указания Минин, – дашь взятку, деньги приготовим. Твоя легенда – сбежал из сумасшедшего дома в Уссурийске, вот адрес, план, фотографии, так, на всякий случай, – Минин доставал все поочередно из папки. – Едешь в гости к своему дяде Си Цзиньпину, потому что он тебе звонил на прошлой неделе и спрашивал, почему ты не заезжаешь в гости. На каком языке спрашивал? Говори, на русском. О том, что их главный знает русский, в курсе только три человека: ты, Путин и главврач твоей больницы. Послезавтра, как все подготовим и согласуем, с тобой поработает специалист, все расскажет, особенности симуляции, бред и так далее, короче, чтобы качественно мог отработать легенду. Если вдруг мы узнаем о провале, за тобой приедут доктора, полиция, представители МИДа со всеми документами и благодарностью властям Китая за бдительность. Вопрос закроем на местной таможне. Вещей с собой у тебя не будет. Хотя возьми с собой кило моркови, скажешь для дяди Си, если что, – Минин обо всем этом говорил серьезно и спокойно.

– По-китайски, я так понимаю, не говорить? – «Интересно, кто придумал эту глупость про дурдом, дядю Си, морковку?» – подумал я, но вслух ничего не сказал.

С другой стороны, чем дурнее и проще легенда, тем, как показывает опыт, она реальнее выстреливает. А все эти выдумки из фильмов про Джеймса Бонда порой настолько наворожены, что место им только в Голливуде.

– Разумеется, нет, – отрицательно покачал головой Минин, – у них там есть переводчик, если что – привлекут. Да они и сами там почти все шпарят по-русски: моя-твоя-понимай, твоя-моя-юань-давай. Не волнуйся, – успокоил Минин, – за семь лет канал ни разу не давал сбой. Легенда так, на всякий случай. Из машины не выходить, особенно на заправках, водителя не подменять, он парень молодой, обученный, к таким трюкам и крюкам за рулем привычный.

Мне стало интересно посмотреть на супермена, который готов жать педаль газа сутки напролет. Реально супермен.

– Ну что, я останусь, оформлю все документы, подготовлю все, а ты езжай домой, – пояснил Минин. – Кстати, а как ты смотришь, чтобы завтра съездить в баньку? С моим хорошим знакомым, у него банька за городом, а? Батька белорусский рекомендовал от всяких вирусов парилочку и водочку понемножку, для профилактики. Поехали?

Когда Минин делал подобные предложения, теплота и глубина, с которыми он это говорил, улыбка настолько обволакивали собеседника, что отказ был невозможен.

– Давайте попробуем, – с готовностью ответил я. – Пропуск у меня есть, но лучше, чтобы вы за мной заехали, так, на всякий случай.

– Не вопрос, – согласился полковник. – Слушай, Леша, тут такое дело... – Минин замялся, – у меня тут материалы, почитай пока поверхностно, потом вникнем.

– Сергей Анатольевич, я понял, про масонов. Я посмотрю. Минин достал из своего портфеля еще пару папок и передал мне на ознакомление.

– У нас тут на минус третьем этаже есть бильярдная, не хочешь сыграть? – предложил мой бывший куратор. – Поговорим после стольких лет, а? – улыбнулся Минин.

Я посмотрел на часы:

– Время есть, я с удовольствием.

Как я понял, Минин продолжал работать именно здесь, в китайском отделе. У него были пропуски на лифты, двери, он хорошо ориентировался, редко встречавшиеся в коридорах коллеги здоровались. Странно, что здесь руки не пожимали – пандемия.

Мы спустились ниже на один этаж. Проходя по длинному коридору, Минин встретил седовласого знакомого в звании подполковника. Он стоял у распахнутой двери одного из кабинетов и давал указания тем, кто внутри. Поравнявшись с подполковником, поздоровались. Внутри кабинета, который оказался огромной комнатой, несколько человек в болотного цвета халатах суетились над огромным, метра три на три, черным квадрокоптером высотой примерно в метр. Таких огромных квадрокоптеров я еще ни разу в жизни не видел.

– Ну, как игрушка? – спросил подполковник, указывая рукой на него.

– Впечатляет, – ответил я и, подняв кулак, показал большой палец. – На пару километров, наверное, летает? – не удержавшись от любопытства, спросил я.

Подполковник рассмеялся.

– Пятнадцать рабочая высота, полковник, не хочешь? – похвастался он.

Я присвистнул от удивления.

– Ладно, Илья Кузьмич, не будем задерживать, работайте, – попрощавшись, мы пошли дальше по коридору.

– Первый раз такую бандуру видел, – удивленно признался я Минину.

– Это Кузьмича ребята настраивают «Паука» своего, – пояснил Сергей Анатольевич. – На днях штук двадцать в небо поднимут, будет НЛЮ, – заговорщическим тоном выдал секрет Минин.

Мы шли по коридору метров двадцать, в самый конец. Справа Минин приложил пропуск, вошли внутрь, свет загорелся автоматически. Помещение просторное, стены декорированы красным деревом, на белом потолке большая многорожковая люстра, на стенах декорированные под пятидесятые годы бра. Хотя, возможно, это были те самые бра, в смысле – из пятидесятих. В центре стол для русского бильярда. Сбоку и с торца диван и пара кресел, меж них – столик с пепельницей. В углу – шкаф и стол с кофеваркой, чай-

ником, чашками и другими сопутствующими мелочами типа сахара и сливок в маленьких одноразовых упаковках.

– Здесь хорошая вытяжка, можно курить, – сказал Минин.

– Нет, благодарю, я не курю, вы забыли, что ли? – улыбнулся я Минину в ответ. – Сергей Анатольевич, а что значит «будет НЛО»? – не выходил у меня из головы огромный черный «Паук».

– Леша, чтобы народу было чем заняться, чтобы всякие конспирологи нос свой не совали, куда не следует, Илья Кузьмич со своими архаровцами запускают в небо «Пауков», на следующий день все обсуждают НЛО, межгалактические отряды пришельцев, собратьев-рептилоидов и прочую чертовщину. Народу делать нечего, вот Кузьмич и развлекает, – засмеялся Минин. – Корректирует у народа, так сказать, вектор интеллектуально-фантазийного творчества, управление двенадцать-бис, отвечает за информационную войну. Вот и тренируются сначала на наших, а потом и в Европу НЛО полетит. У них своя хитрая работа – психоголограммы, секретная тема.

– Так некоторые что, серьезно думают, что это НЛО? – удивленно усмехнулся я.

Все эти темы с пришельцами мне всегда казались какой-то юмориной. Возможно, потому что я не встречался с ними лично. Или потому что я просто не верю в бред.

– Значит, мужики хорошо делают свою работу: отрабатывают летные навыки и людям не дают скучать, два в одном, –

то ли всерьез, то ли в шутку сказал Минин, направляясь к стене с киями.

Взяв со стены новенькие палки для игры на бильярде, в среде профессионалов, коими мы с Мининым, безусловно, являлись, именуемыми киями, натерли их по очереди синим итальянским треугольным мелком Blue Diamond, начали катать. Разбивал Минин. Закатив с раздачи фукс, Минин усмехнулся и, усевшись в кресло, начал разговор не с распросов о житье-бытье, а с пандемии, вернее, с анекдота.

– Значит, умирает пациент. Медсестра подходит к доктору и спрашивает: «Доктор, что в заключении о смерти писать будем?». – «Так COVID-19 пишете». – «Так у него два огнестрела», – удивилась медсестра. «А, ну тогда пишете: COVID-19 с осложнениями...», – Минин, как большинство врачей, знал толк в цинизме.

Уважив деда недолгим смехом, я подошел к бильярдному столу и зарядил битком сначала о борт, а потом в прицельный шар, спецы называют такой удар абриколь. Шар нехотя познакомился с лузой. Я, приняв поздравления от Минина, заварил себе черного чаю и сел на другое кресло рядом со столиком. Минин курил.

– Я в каких-то новостях читал, что курение плохо при нашей нынешней ситуации, – заметил я выдыхающему клубы дыма Минину. – Может, лучше чаю? – предложил я.

– Нет, – отмахнулся Минин. – Это как в том анекдоте: выпили три бутылки самогона, а отравились печенюшкой, –

засмеялся Минин, довольный собственной шуткой.

– А вам, Сергей Анатольевич, не кажется странным, что в бедных странах, в Африке нет особо коронавируса? Правда, я читал, что в Нигерии в конце марта было сделано всего 152 теста на 200 миллионов жителей. У них там с тестами напряженка: нет тестов – нет зараженных, принцип, наверное, типа такого.

– А ты знаешь, что власти африканских стран не стали эвакуировать своих студентов из Китая, бросили их там на произвол судьбы? – задал вопрос Минин, крутя кий за турник – толстую его часть.

– Я тут слушал одного товарища, он вещал, что в Африке нет того, что может представлять интерес для китайской разведки, военные в смысле производства, стратегические разные объекты. А производство туземцами копий, луков и боевых топоров китайцев последние 250 лет уже не интересуют. Как и боевые горны и барабаны, – усмехнулся я.

– А китайцы в смысле... – протянул Минин.

– Там тема с закладками в телефонах, через них якобы следят, шпионят, собирают развединформацию, – пояснил я.

– Странная вирусяга, конечно, старше 65 лет процент смертей высокий, как так запрограммировали? Хотя я тебе скажу, после 60 столько болячек вылезает, если не следить за здоровьем, там без всякого вируса кони двинешь, – причмокнул Минин.

Я без слов, взглядом, указал ему на сигареты и усмехнул-

ся.

– По рассказу этого человека, выследить хотели все наши военные объекты, и надо было очистить радары: стариков по домам, дальше мешали дети, школьники, студенты, которые уже все в телефонах, их тоже под коронавирусный шумок отсекли, чтобы якобы легче было собрать данные об активной части населения России и внести это через эти же самые программы телефонов в глобальный компьютер. Дальше весь класс трудяг кинули на режим самоизоляции, чтобы не мешали сбору актуальной информации. Следом выявили госслужащих, полицию, армию, медиков, понимаете идею? Думаете, может быть такое?

– Херабора какая-то... Сейчас развелось экспертов – каждый первый, – усмехнулся полковник.

– На «РЕН-ТВ» так каждая программа! – рассмеялся я.

И подошел к столу для следующего удара. Шары стояли весьма притягательно, я, особо не целясь, катанул биток с оттяжкой и загнал еще один шар в лузу.

– А что? Я смотрел, там такое иногда задвинут, мать моя женщина! – изображая реальное удивление, сморщился Минин. – Отсекли, говоришь, стариков, детей, студентов, типа всех? – Минин сделал характерный жест рукой, сохраняя серьезное выражение лица и продолжая крутить в руках кий.

– Ну да, типа китайцев они мало интересовали.

– И остались только те, – Минин сделал наигранно таинственный голос, словно он был привидением, – кто связан

с секретными производствами, заводами, учеными, короче, те, кто является самым закрытым у любой страны, так? – спросил он.

Я, подойдя к столу, сделал еще один удар. Киксанул.

– То есть они типа срисовали всех наших граждан, кто работает на секретных предприятиях... – Я сдвинул брови с тем, чтобы соответствовать наигранной таинственности, тон которой задал Минин.

– Тогда добавь еще и тех, кто занимается жизнеобеспечением: производство продуктов, врачей, а, ну таксистов бери. Думаю, дворники из ближнего зарубежья их мало интересовали? Ты, кстати, видел, они без всяких масок ходят-бродят, – Минин наигранно выговаривал слова, посмеиваясь. – Им, между прочим, разрешили работать без патентов и выплачивают пособия, как гражданам России, ты в курсе? – поинтересовался Минин.

– Да, читал, – подтвердил я. – Нет, если дворников «выключить из эфира», все дворы завоняют уже через 3–4 дня так, что мало не покажется, – рассмеялся я. – Дворники при пандемии – «золотой запас» любой страны.

Минин подошел к тумбе с напитками и налил полстакана воды, замахнув залпом. Моменты вони, способной воцариться в городах страны, его не особо смущали, вероятно, он их даже не представлял. А зря, в Китае я видел такие свалки из объедков, что мало бы не показалось никому. А запах, как вспомнишь, так аж передергивает.

– Коронавирус мало-мало есть, но от него больше истерии, психологическое такое оружие, ширма, а какое идет убийство экономики? Ну как идет? Прет! Похоже, знаешь, даже на тотальное убийство малого и среднего бизнеса. Много хаоса и страха, а под такое, когда народ волнуется, возможно и... – он сделал паузу, подняв указательный палец вверх, – ...переворот организовать. Чую, в воздухе что-то есть... – кивнул Минин. – То, что в таких ситуациях всегда найдутся желающие раскачивать лодку, – это понятно. А особенно головной боли сейчас прибавится у контрразведчиков, потому что вражеская агентура заметно активизируется. Деньги на оппозицию пойдут. Продажные журналисты вылезут. Короче, головной боли у ФСБ прибавится.

– И как быть? – стал мне интересен дальнейший ход мыслей полковника.

– Гречку покупать! – рассмеялся он. – И туалетную бумагу – набор паникера. Нет, если бы такое, я имею в виду слежку китайцев за нашими через телефоны, с фрагментацией кто, где, как, военные спецпредприятия, если бы такое удалось – это определенно успех. Даже если представить такую спецоперацию в рамках одной страны. А тут весь мир! И вот так со всего мира получить совсекретную развединформацию, а потом победить каким-то чудом у себя быстренько пандемию, заработать на поставках масок, оборудования, расходных материалов и всего сопутствующего всему миру?!

– Зачем им вся эта сверхсложная разведка, они в самом

деле на масках больше подняли, – предположил я. – В Китае были официальные приказы властей: маски менять каждые 3 часа, на полтора миллиарда умножить... 3 маски за смену, и, получается, любой кризис отбивается за 3–4 дня. Я, конечно, не экономист, но по ощущениям выглядит так. Причем маски из продажи у них не пропадали, ввели только ограничения: не больше 20 масок в одни руки. Коммунизм! – засмеялся я. – А у нас вообще шаром покати, жуть какая-то.

– Фантастика! – удивился Минин. – Сколько же они подняли денег на этом? Миллиардов сто долларов? Двести? Сколько? Ты же у нас специалист, скажи? А представь, если китайцы во главе с председателем Си весь мир обвели вокруг пальца? Если это окажется правдой, значит, Си значительно хитрее даже самого Мао Цзэдуна, так? – поинтересовался Минин.

Для многих китайцев Мао Цзэдун – по-прежнему главный герой страны, поскольку именно его считают создателем КНР. Место его рождения, Шаошань, ежегодно посещают толпы китайцев, это центр красного коммунистического туризма.

Мао Цзэдун в свое время выдавал идеи, до которых сегодня вряд ли додумался бы даже самый продвинутый креативщик. В 1973 году на встрече с Генри Киссинджером, советником по национальной безопасности Америки, Мао предложил «экспортировать» в Штаты китайских женщин. Причем были названы нешуточные цифры – 10 миллионов

красавиц. Надо сказать, что китайские императоры частенько применяли женщин как инструмент с целью породниться с другими правителями и даже с врагами, предлагая китайских женщин, в том числе императорского дома, в качестве жен. Сексуальная дипломатия, последствиями которой становилось рождение китайцев максимум через три поколения. Ассимиляция – тайное оружие Китая. Китайские гены очень сильны. Мао, большой любитель чтения и знаток истории, это знал. На встрече с американцами Великий кормчий заявил, что такие «поставки» позволили бы нормализовать двухсторонние отношения и стабилизировать финансовое положение Китая, мол, Поднебесная – страна небогатая, а прекрасные женщины – это то, что есть у них в избытке. Киссинджер отшутился, заявив, что квот для ввоза женщин из Китая у Америки нет.

Сегодня китайские власти признают, что Великим кормчим были допущены некоторые ошибки. Впрочем, заявляется это тактично: говорится про 70 процентов заслуг и 30 процентов ошибок, допущенных великим Мао. Эта формула была утверждена еще при отце китайских реформ Дэн Сяопине, который твердо стоял на том, что сильную страну не построишь, разрушая фундамент прошлого. Нынешний председатель Китая в продолжение темы сказал, что лидеры прошлого – люди, они не боги. Поэтому судить их исходя из настоящих реалий негоже.

К слову, говоря о Си Цзиньпине, на ум приходит анекдот

про сына полковника, который мечтал стать генералом. Мораль анекдота в том, что у генерала был свой сын. С действующим лидером Китая почти такой случай, он настоящий «красный принц». Его отец Си Чжунсюнь – представитель первого поколения руководителей коммунистического Китая. Так что Си Цзиньпин – человек во власти явно не случайный.

Отец председателя Си всегда превозносил великого Мао и был на хорошем счету, пока не опростоволосился, редактируя биографию полководца Лю Чжиданя, которого знал лично и с которым вместе воевал, защищая Китай. В результате редакции образ боевого друга получился величественнее, чем сам Мао Цзэдун. Кому такое понравится? Последовали ссылка, тюрьма, ну а потом, спустя годы, реабилитация, позволившая и Си Цзиньпину сделать успешную политическую карьеру.

Тут важно рассказать еще кое-что из реалий китайской политической жизни. Чтобы не повторить трагические ошибки Культурной революции и избежать монополизации власти одним человеком, в конституцию 1982 года были внесены изменения в части ограничения сроков пребывания у власти. Для всех высших постов кроме председателя Центральной военной комиссии были установлены два срока. Это правило неукоснительно соблюдалось. Однако власти Китая демонстрировали преемственность власти, явно давая понять, что общий политический курс будет сохранять-

ся. Китайцы, как, наверное, и любой другой народ, уважают стабильность. Новая метла по-новому метет – в Китае это не работало. Именно отсюда жестокое пожелание врагу: «Чтоб ты жил в эпоху перемен!» В конфуцианском Китае размеренное существование почиталось за счастье, отступление от правил жестоко каралось. Конфуций об управлении государством говорил так: «Государь должен быть государем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном».

Председатель Си закрутил в Китае такие процессы, что пары сроков ему стало явно мало: борьба с коррупцией, разгром других кланов, которые могли после потери власти Си призвать его к жестокому ответу, – все это потребовало упрочения власти лидера и увеличение сроков его пребывания у власти. Плюс аппетит приходит во время еды. Наверное, очень сложно с самого верха да в пенсионеры. Если 79-я статья давала право дважды занимать пост председателя, то после марта 2018 года Си Цзиньпин этим ограничением скован не был.

– Производишь телефоны, чипируешь, прошиваешь нужные программы, и, когда надо, такой электронный шпион в полном твоём распоряжении, каково, а? Помнишь, наши делали «Йоту»? И где она сейчас?

– Где, где? Вам в рифму ответить? – рассмеялся я.

Минин улыбнулся и продолжил свою мысль:

– А телефоны – лучшие средства слежения. Дети вон с трех лет не выпускают их из рук, в нем вся наша жизнь!

В нем каждый шаг, каждый вздох, каждая оплата, каждая встреча, все такси, все места встреч, явки, контакты, пароли, вкусовые предпочтения, рестораны, магазины, здоровье, тренировки, запросы и даже пьяные разговоры с Алисой или Сири. Все эти «электрушки» включаются в секунду и работают как микрофоны. Про какие еще чипы люди говорят? У нас народ наивный, все ждут гигантский укол в задницу, что ли? – Минин глубоко вздохнул и, оставив в сторону кий, обхватил руками голову на затылке в замок, откинувшись в кресле.

– Я же давно говорил о том, что все эти телефоны, все приборы, они все чипированы... Китайцы ничего не изобретали, это чисто от японцев. Помните, я вам рассказывал? Просто сейчас китайская экономика прет, и им уже кажется, что пора переходить в контратаку. Вот они и переходят. Поставлять миру столько телефонов, компьютеров, ноутбуков, айпадов и не извлекать ничего для себя? Нееееет, это не про китайцев, – хмыкнул я. – Так если поразмышлять, с виду обычные предприятия, я имею в виду секретные, военку, неужели можно все по маршрутизации вычислить? Все сидят дома, эти куда-то едут, куда? В магазин? В какой? – я рассмеялся. – Вот сейчас оперсоставу посольств и консульств заданий на пару месяцев – выяснить все эти «магазины».

Минин, улыбаясь, закачал головой. Я продолжил:

– А вообще в теории было бы интересно попробовать. Они, говорят, еще и акции своих компаний, которые рухну-

ли, под шумок скупили. Я имею в виду государство. Сейчас все уляжется, и мир с удивлением осознает, что китайцами они уже не владеют, что китайцы их как болванчиков переиграли. Какие там масоны, эти пионеры китайцам в подметки не годятся! – я встал с кресла и, отхлебнув глоток из чашки, вернул ее на стол. – Ваш удар, Сергей Анатольевич, – я сделал широкий жест, приглашая полковника к столу.

Минин неспешно обошел его, присматриваясь к удару. Хлестко зарядив клапшотс, загнал шар в лузу. После чего вернулся в кресло и продолжил внимательно меня слушать.

– То есть теоретически, чисто теоретически, в закрытых городах: Москва, Санкт-Петербург, Мурманск, Крыму они могли таким образом собрать информацию? Там же военобъекты, флот, подлодки, генштаб? – спросил я. – Ну ведь в контрразведке тоже не профаны, почему их в расчет не берут?

– Кто? Конспирологи? – переспросил Минин. – Не берут, чтобы их теории хорошо выстраивались, – рассмеялся он.

– Это точно! – согласился я. – Если проводить аналогии, то север Италии сильно «в коронавирусе», там же, насколько я знаю, вся их военная промышленность?

Минин молча кивнул головой. Складывалось впечатление, что Минин что-то не договаривает. Мы то шутили, то были серьезны, одно читалось с лица и поведения Минина очень четко: мир не будет прежним. Мы сидели молча минут пять. Каждый думал о своем.

– Нет, это чушь собачья, – покачал я головой. – Насколько я понимаю, даже в обычных воинских частях есть инструкции, запрещающие брать все эти телефоны на службу, а уж что касается секреток, думаю, там дела обстоят гораздо строже. А про север Италии, так там много китайцев шьют а-ля мэйд ин Итали. Тамошние китайцы слетали на Новый год на родину, вернулись обратно, и такой итог. Там фабрик тряпичных очень много. Да и зачем, говоря откровенно, китайцам за нами следить так массово? Ну, точечная работа, да, может быть. Мне кажется, им от нас нужны лес, ресурсы, земля, все это мы им и так даем... Кстати, народу такая бесхозяйственность со стороны наших властей уже сильно-сильно надоела. Помните, под Новосибирском или Иркутском горели китайские лесопилки? Думаю, не просто так. Народ-то видит, что вывозят, зачастую нелегально. Ну или за копейки, и нет – нет, да – да. Хотя я не знаю, почему винят китайцев? Сами же позволяем безобразия? Наши же чинуши берут взятки! Хотели бы навести порядок, пару «важняков» из Москвы с Генпрокуратуры или Следственного комитета бы прислали, и все, вопрос был бы решен. А если не решают вопрос, значит, коррупция. Может, причина всей этой кризисной, как ее назвали, пандемии – глобальное перепроизводство товаров во всем мире? С этой целью всех и посадили, чтобы создать таким образом дефицит и перезапустить экономику? Как считаете? – спросил я Минина.

– Заговор мировой закулисы? Козни хозяев денег? –

усмехнулся он. – Сейчас эта тема популярна, а ты меня слушать не хочешь, потешаешься над стариком.

– Идея с телефонами мне кажется еще более веселой, – парировал я и продолжил: – Они нас по спутникам уже давно отсмотрели, все эти секретные базы и так далее, впрочем, как и мы их, так что...

– Впечатление, что идет переформатирование экономической и политической мировой системы! – заключил Минин с видом главного масона планеты.

Он сказал эти слова так важно, что на секунду показалось, что чуть ли не он сам все это придумал.

– Ну или командно-штабные учения мировой закулисы по овладению планетой? Цель? – задал я вопросы и сам же на них ответил: – Сокращение населения, тот самый «золотой миллиард». Хотя Римский клуб готовил этот свой доклад, «Пределы роста», еще в 1972 году. Неужели, – удивился я, – сейчас это будет актуально. Почти 50 лет прошло... Мир стал другим. Ну да, по теории «золотого миллиарда» на карте не предусмотрено место для России и Китая. Но ведь когда писались эти «пределы роста», Китай был глубоко отстающей страной с дефицитом товаров, талонами на эти самые товары и госраспределением. Сейчас бы этих авторов в Шанхай, Сиань, Шэньчжэнь или Гуанчжоу, у них бы волосы дыбом встали, – я засмеялся. – У них случился бы шок!

– Меня не оставляет в покое вопрос. Вот только сейчас, Леш, давай без смеха. Выслушай меня очень серьезно, – Ми-

нин заговорил очень тихо. – Для чего Путин в июле прошлого года встречался с Папой Римским? Что они могли обсуждать? Как думаешь? Нет ли связи? Ну так, между нами. А сейчас Россия посылает в Италию военных. Якобы для помощи в борьбе с пандемией. Что это может значить? Поставляли медоборудование, а все прошло под эгидой Министерства обороны. И что-то мне подсказывает, что связано это было с тем, что наши китайские друзья отказались нам давать живой вирус. Промурыжили наших чиновников в Пекине неделю и развернули обратно, домой. По линии ГРУ те борта курировали как раз наши «химики». В Китае нашим ничего не показали: ни госпиталей, ни больных, ни живого вируса не дали, ни тест-систем, наши просто так прокатились, и меня такая реакция наводит на мысль, что китайцы с нами тоже играют. Мы-то его достали, но как, сказать не могу, официальная информация вот тут, – Минин достал из папки газету, развернул до середины и ткнул пальцем в нужном месте.

Я прочитал вслух: «Началась разработка вакцины против COVID-19. Россия получила штамм нового вируса. В центре «Вектор» уже разработаны пять прототипов вакцины. Откуда были получены штаммы вируса, представители Минздрава России не сообщают, подчеркивая лишь, что не из Китая». Свернув газету, я положил ее на столик.

– Да, ладно, что тут непонятного, чистый бизнес, – пояснил я. – Кто быстрее создаст вакцину против коронавируса и препараты, тот и будет на коне. Я уже генералу Мартову

об этом говорил. Хотя, – я сделал паузу на пару секунд, – если предположить, что штамм имеет повышенное негативное действие именно на китайцев, тут уже во весь рост вопросы национальной безопасности встают, тут и бизнес любой по боку. Вот представьте, если наши ученые обнаружат вирус, который будет нас убивать, разве это не станет главной государственной тайной?

Минин молча смотрел на меня, крутя ладонями воткнутый в пол кий, словно туземец, разжигавший огонь из тоненькой палочки.

– Во всем виноваты масоны, – рассмеялся Минин.

– Это я уже понял, – рассмеялся я в ответ.

– Я читал, что это они стоят за COVID-19. Ты же знаешь, что всевидящее око – символ масонов?

– Конечно, – подтвердил я.

– Так вот люди прочитали слово *coronavirus* наоборот и получили *surivanoroc*. Далее разделили его на части, вышло «*surivan or oc*», это такое заклинание, которое, говорят, встречается в древних манускриптах и переводится с хинди как «восход и глаз». Вот тебе и всевидящее око! Мы вот, Леша, с тобой шутим-шутим, а если действительно передел мира? Папа Римский в таких делах участвует с удовольствием. Горбачев, когда развалил страну, в 1989 году тоже с Папой встречался, на Мальте, по-моему, и потом мы просрали Союз, а Горбачев получил Нобелевскую премию мира, черт плешивый, – выругался Минин.

Полковник встал, подкинул кий и подошел к столу для удара.

– Вы намекаете, что теперь Путин страну развалит? – заинтересовался я.

Минин, растянувшись на столе, но не отрывая ногу от пола, сильно зарядил по битку.

– Ну или наоборот, Советский Союз соберет, – продолжил размышлять я. – Этот вирус показал уязвимость стран, геополитическую слабость, особенно бывших союзных республик. Разрешат такое сделать Путину? Масоны там всякие? Или как вы их называете? Мировое правительство? – задал я вопрос и добавил в чашку кипятка.

– Откровенно говоря, масонские эти объединения вполне себе сильные конторы. Масонами были американские президенты.

– Рузвельт, по-моему... – продолжил я мысль Минина.

– Точно, а еще Вашингтон, Трумэн. В Англии – Черчилль, банкиры Ротшильды. А еще среди масонов представители небезызвестных тебе фамилий – Форд, Ситроэн. Писатели Свифт, Дефо, Киплинг, Конан Дойль, Оскар Уайльд. Представь, еще великий Моцарт и также Лист. Философ Гете... Там их сотни и тысячи, компания, как говорится, на любой вкус и цвет. Кстати, – протянул Минин, – а ты помнишь, что цены на китайские смартфоны перед Новым годом за вполне себе приличные характеристики были очень низкими? Тогда даже кто-то из журналистов обратил на это внимание, я чи-

тал новость. И журналист по этому поводу как-то настороженно писал, ну это я так, к слову, – пояснил Минин, махнув рукой, мол, вспомнил мимоходом.

– Меня особо телефоны не интересуют, я за ними не слежу, – признался я. – А может, посадили всех на самоизоляцию с целью отработать запрет наличных денег в связи с пандемией? Типа заразные, туда-сюда, – рассмеялся я. – Перейти на электронные какие-нибудь, карточки всякие или вообще что-то с криптовалютой? Вон Китай перешел на криптоденьги. В смысле, как бы павловская реформа на современный лад: запретить наличку, провести деноминацию, пресечь выплаты зарплат черным налом, обнулить, как сейчас модно говорить, все бабло, что чиновники нахапали и граждане под матрасами хранят? Может быть такое? Если в квартирах борцов с коррупцией находят миллиарды, значит, есть над чем думать? – предположил я.

– Фантазия бьет ключом! – рассмеялся Минин. Теперь уже Минин надо мной потешался. Мы друг друга стоили.

Минин направился к бильярдному столу, обойдя его несколько раз с целью выбора лучшей точки для удара.

– Главное, чтобы не сзади били ключом и не по башке! – подхватил я, рассмеявшись.

В дверь вошел генерал Мартов:

– Вот вы где, а я вас ищу, думаю, куда запропалились? Ну-ка, дай, – генерал взял мой кий, прицелившись, заказал лузу и сильным ударом заколотил свояка в нее. – Ну как? –

радостно с гордостью в голосе спросил генерал.

Мы, не сказав ни слова, как по команде зааплодировали. Генералу такое уважение было по душе.

– Пойдемте, – приказал генерал, – ничего не трогайте, все уберут.

Мы вернулись в переговорную.

Согласовавшись с Мининым по завтрашней бане и договорившись о месте встречи, попрощались. Минин ушел.

– Командировку я согласовал, завтра отдыхай, – сказал Мартов после ухода Минина. – Послезавтра делаем рекогносцировку, детально проговариваем план, проверяем документы и... – генерал задумался.

– Так точно, товарищ генерал, – подтвердил я. – Цветы мне не купили? – я улыбнулся, напоминая о своей просьбе.

– Да, цветы в машине, мой водитель тебя отвезет, – генерал проводил меня через пост охраны, усадил в машину и дал распоряжение капитану доставить меня в целости и сохранности.

Цветы, красиво перевязанные красной лентой, лежали на заднем сиденье, а рядом небольшой пакет с парой киндер-сюрпризов и коробочкой конфет Raffaello.

Глава VII. Ищи кому выгодно

Пока ехал домой, покопался в интернете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.